

В СВОДКАХ НЕ СООБЩАЛОСЬ...

ВАЛЕРИЙ
ГУСЕВ

ИЗ БОЯ
В БОЙ

В сводках не сообщалось...

Валерий Гусев

Из боя в бой

«ВЕЧЕ»

2018

Гусев В. Б.

Из боя в бой / В. Б. Гусев — «ВЕЧЕ», 2018 — (В сводках не сообщалось...)

ISBN 978-5-4484-7165-0

Зима 1941 года. В преддверии битвы под Москвой в тыл врага с целью уничтожения живой силы и боевой техники противника, нарушения его коммуникаций и сбора разведданных уходит разведывательно-диверсионный отряд «Суровый» под командованием капитана Сосновского, сформированный из сотрудников МУРа. Совместно с подмосковными партизанскими отрядами он идет горькими и страшными дорогами войны, оставляя за собой беспощадные следы возмездия. Идет из боя в бой...

ISBN 978-5-4484-7165-0

© Гусев В. Б., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Аэродром «Внуково». 1941 год, декабрь[1]	6
Спецотряд Сосновского	8
Партизаны. Разведчики. Диверсанты	10
Отряд «Суровый»	13
Спецотряд Сосновского	28
Отряд «Суровый»	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Валерий Борисович Гусев

Из боя в бой

© Гусев В.Б., 2018

© ООО «Издательство „Вече“», 2018

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2018

Оперативный рейд разведывательно-диверсионного отряда «Суровый» отмечен командованием ОМСБОН как наиболее результативный.

Из архива внешней разведки НКВД

Аэродром «Внуково». 1941 год, декабрь¹

По-зимнему камуфлированная «эмка», миновав тройку настороженно застывших курносых истребителей, неуклюжий транспорт, круглобокий бензозаправщик и двукрылую «Чайку», на которой оружейники, дую на застуженные пальцы, меняли пулеметы на пушки, остановилась возле У-2, сиротливо подрагивающего на ветру. Возле него ходил техник и озабоченно постукивал гаечным ключом то по стойке шасси, то себя по сапогу с меховым отворотом.

Пилот уже сидел в кабине – в крохотной открытой ячейке, отгороженной от тугого встречного потока лишь тонким прозрачным козырьком. Для штурмана или пассажира – такая же сиротская ячейка с ручным пулеметом.

Из «эмки» вышел автоматчик, открыл и придержал заднюю дверцу. Молодой паренек, с пистолетом на боку и с плотной кожаной сумкой через плечо, по фамилии Тишкин летел на фронт уже в пятый раз. Два из них – в тыл противника, в расположение партизанской бригады.

Техник снял с плоскости и помог ему надеть парашютный ранец, подогнал ремни. Пилот, перегнувшись через борт, протянул летный шлем и летные очки.

Над кромкой леса нехотя показался край солнца, кроваво осветил заснеженные вершинки елей. В расчалках плоскостей тоненько звенел ветер.

– От винта!

Техник крутанул винт. Раз, другой. Двигатель чихнул, с трудом просыпаясь на утреннем морозе. Схватился. Сперва нехотя, а затем все шустрее закрутил лакированную двухлопастную деревяшку винта; она превратилась в сплошной сверкающий круг. Потянула самолет к взлетке, набрала обороты и подняла его в воздух. Со стороны, будто чуть пробежав, он, сопротивляясь встречной легкой поземке, упруго подпрыгнул, завис в воздухе, задрав нос и стрекоча затихающе, сделав вираж, взял курс на запад.

Ушла на очередное задание воздушная единица «Летной группы» фельдъегерской службы...

Фельдъегерская «Летная группа» была сформирована уже на восьмой день Великой Отечественной. Входила в состав московской эскадрильи особого назначения. В первое время часть ее составляли старенькие, тихоходные и практически невооруженные самолеты.

Но что делать? Война требовала. Связь на войне, известное дело, не менее важна, чем боеприпасы. А уж фельдсвязь – главное звено в управлении войсками. Она давала возможность высшему командованию оперативно обмениваться секретной информацией со штабами фронтов и армией, партизанскими соединениями, учитывать эту информацию при разработке планов крупных боевых операций, при решении стратегических задач.

«Летную группу» подготовили за несколько дней. Ее сотрудники ускоренно прошли спецобучение – стрельба из всех видов личного оружия, тренировочные прыжки с парашютом, основы штурманского дела, ориентирование и, главное, пожалуй, изучение служебных инструкций. Основное содержание которых было простым: доверенная фельдъегерю оперативная информация ни при каких обстоятельствах не должна попасть в руки противника.

И, кажется, за всю войну таких случаев не было. Традиции от Теодора Нетте были сильны, а в годы войны еще более окрепли.

Каждый фельдъегерь, забираясь в кабинку биплана, не знал, вернется он обратно или нет. Он знал только то, что уж «туда» долететь обязан... И они летали. На неспешных беззащитных самолетах. Иной раз не зная, что их ждет при посадке. Обстановка на фронтах менялась порой быстро, неожиданно. Летит секретный приказ Ставки в штаб дивизии, а здесь уже дислоцированы тыловые подразделения. Или – много хуже – вражеские войска. А то и так бывает: встре-

¹ В основу романа положены оперативные дневники командира спецотряда ст. лейтенанта ГБ тов. Ф.

тили самолет на лесной поляне не радостные бородатые партизаны, а вооруженный до зубов отряд эсэсовцев... Пилот погиб, фельдгегерь ранен, окружен. Слабеющими пальцами он не свои раны бинтует – он прибинтовывает гранату к сумке с документами и кладет ее под себя. Потому что в этих бумагах – судьбы, а то и жизни сотен тысяч людей...

Да и в небе – опасности со всех сторон. Противовоздушная оборона – зенитки, пулеметы; немецкие истребители. Которым в удовольствие безнаказанно завалить двукрылую стрекозу – одно развлечение.

Однако летали. И самую слабость бипланов пилоты взяли на вооружение, их недостатки сделали достоинствами.

Конечно, когда тихоходный самолет медленно плывет в вышине, он становится крайне удобной мишенью для зенитчиков. Но если он идет бреющим полетом – а такие самолеты буквально стригли поверхность земли, – он практически неуязвим. Рукой достать можно, а в прицел поймать не успеешь. Почти бесшумно появился, мелькнул над головой и исчез вдали.

Подобный маневр пилоты применяли и при нападении вражеских истребителей.

В этом полете, из-за особой важности документов, У-2 с фельдгегерем Тишкиным сопровождал наш «ишачок». Он барражировал на высоте в полтора километра, осматривал горизонт и был готов кинуться на выручку.

Ему пришлось это сделать. Сверху на биплан свалились два «мессера». Пилот нырнул к земле и помчался над лесом так низко, что срывал винтом снег с верхушек деревьев. Истребитель отважно бросился на одного из немцев, завязал с ним бой. Второй «мессер» снизился настолько, насколько решился, и атаковал У-2. Тот заметался, пропуская справа-слева цветные трассы пулеметных очередей. Прижался еще ниже, порой чуть ли не задевая концами плоскостей макушки елей.

«Мессер» сделал второй заход, с ревом промчался над бипланом. И снова пилот сумел увести машину от пулеметного огня. Она, казалось, уже не летит, а бежит заснеженной просекой, едва не цепляя шасси пеньков и валежника. Третий заход, очередь из двух пулеметов.

– Держись! – услышал Тишкин в шлемофоне голос пилота. – Падаем!

Он сделал вираж и направил самолет на крохотное озерцо, мелькнувшее впереди.

Тишкин выпустил последнюю бесполезную очередь и изо всех сил уперся руками и ногами в переборку.

Самолет коснулся земли, подпрыгнул, словно его подбросило, немного пробежал, обо что-то ударился, скапотировал и загорелся.

Чуть подальше упал и увлекшийся погоней «мессер», срубив правой плоскостью верхушку ели...

Спецотряд Сосновского

С 20 октября в Москве и прилегающих к ней районах введено осадное положение.

7 ноября с парада на Красной площади ушел на фронт и истребительный полк НКВД. Истребителям была поставлена задача действовать в ближайшем тылу врага, уничтожать живую силу противника, выводить из строя боевую технику, нарушать коммуникации, управление войсками, собирать разведданные.

Внутри полка была сформирована спецгруппа, основу которой составили сотрудники МУРа. Они прошли ускоренные курсы спецподготовки. Как сказал один из оперативных работников: «Маленько переучиваться пришлось. Мы-то научены ножи выбивать, а теперь учимся ножами убивать». Изучение трофейного оружия, подрывного дела, методов конспирации и разведки, лыжные тренировки.

Командование группой поручили старшему оперуполномоченному капитану Сосновскому. 9 ноября группа совершила свой первый рейд. Доставили рацию в партизанский отряд, разгромили гарнизоны в двух населенных пунктах, пустили под откос состав с живой силой и техникой, казнили предателя – начальника полиции, нарушили телеграфно-телефонную связь на участке в десять километров, взяли и доставили двух «языков», причем один из них в чине гауптмана. Группа, получив хорошую «обкатку», без потерь вернулась в точку базирования.

В конце ноября командира группы вызвали в Особый отдел штаба фронта.

– Вы, капитан, догадываетесь, что обстановка очень скоро резко изменится.

– Так точно, – Сосновский чуть заметно улыбнулся. О готовящемся контраступлении наших войск не догадывался только самый глупый.

– Вы понимаете также, какое значение в этих условиях приобретает закрытость информации. В связи с этим есть одно осложнение. Вот в этом районе, – полковник показал место на карте, – был сбит наш самолет, на борту которого находился фельдъегерь с очень серьезными документами Ставки. Пилот погиб, фельдъегеря Тишкина выбросило из самолета, он замаскировал багаж и вышел к партизанам. По данным разведки, отправился в Энск, где имеется наша явка, с целью связаться с Центром по радио. Однако нелепая случайность. В Михалеве – это вот здесь – попал в банальную облаву и сейчас содержится вместе с другими гражданскими лицами в местной тюрьме. Ваша задача: освободить Тишкина, изъять документы и вместе с ним доставить в наш тыл. Задача ясна?

– Так точно.

– Гарнизон в Михалеве небольшой, – вставил свое слово молчавший до поры майор. – Тюрьма – одно название, бывшее здание районной милиции.

Предупреждая вопрос Сосновского, начальник отдела пояснил:

– Другой возможности у нас нет. Сутки на подготовку. Мои люди вам помогут.

– Состав группы по количеству?

– Не больше десяти человек. Как будете добираться до места, как будете проводить операцию – целиком на ваше усмотрение.

– Есть!

– И вот еще что, капитан. В этом же районе действует разведывательно-диверсионная группа Михайлова. В случае каких-либо осложнений обращайтесь к ним, помогут. Там хорошие ребята, чекисты.

– Учту, товарищ полковник.

Остановились на краю разбитого села. Останки сгоревших и разбросанных домов, уже припорошенные снегом. Посеченные железом, опаленные огнем печные трубы. Кирпичная колокольня, где располагались попеременно немецкий и наш НП, срублена прямым снарядом. Возле нее – стриженная осколками липа. Вспаханные минометным обстрелом огороды на задах

бывших дворов. Глухой рокот фронта, время от времени сменявшийся напряженной тишиной. Скрип снега под валенками... Тяжелое дыхание бойцов... Морозный парок над строем...

Расположились в бывшей колхозной конюшне, чудом уцелевшей. Обустроились. Отгородили подходящий уголок плащ-палатками, раздобыли печурку, несколько ящиков из-под снарядов – соорудили из них столик. Пол в углу завалили соломой с крыши, застелили. Накололи дровишек и растопили печурку. Дымок расплзался, просеивался через остатки соломенной кровли, снаружи замечен не был.

Согрели консервы, хлеб, нарубили подмерзшую колбасу, заварили чай. Немного словно поели. Закурили.

Разведывательно-диверсионная группа особого назначения. Семь человек. Почти все – опера с Петровки. Кроме приданного разведчика, который вошел в группу, как патрон в обойму. Едва дожевав, он запахнул маскхалат и отправился «чего-то где-нибудь посмотреть».

Сосновский, развернув на столике карту, надолго «завис» над ней, изучал тщательно, запоминал накрепко, хорошо понимая, как много будет зависеть от четкого знания своего времени и места, своих действий в той круговерти, которая им предстоит.

С особым вниманием изучал подходы к Михалеву, где в бывшем здании милиции содержался сейчас неведомый Тишкин.

Неведомый, конечно, но не чужой. Как ни странно, но Сосновский испытывал к нему чувство профессиональной солидарности, даже симпатии. Как к попавшему в беду боевому товарищу, выручить которого он, Сосновский, обязан не только как офицер, но и как коллега.

Ведь угрозыск постоянно пользовался услугами фельдсвязи. Во многие концы страны рассылались из МУРа спецсообщения, содержащие самые различные документы. То это был изъятый у подозреваемого паспорт с просьбой незамедлительно установить его подлинность и личность задержанного. То это были фотографии из розыскного дела, то дактилокарты, акты баллистической экспертизы из отстрелянных пистолетов. Да мало ли что еще...

Сосновский свернул карту и, приказав группе отдыхать, отправился в штаб полка.

Смеркалось. Застыло все. Ясно светил в небе месяц. Чуть порошил снежок.

Прошлое – позади, будущее – впереди. Где-то там оно, на западе. Еще багровом от недавно упавшего солнца.

Партизаны. Разведчики. Диверсанты

Партизанские войны имеют свою историю. И свои особенности. Во-первых, это истинно народные войны. Второе: борьба против партизан (в силу первого) никогда не выигрывается. И третье (не самое ли главное?): всегда найдется отважный и талантливый человек, который это народное движение создаст и возглавит. Человек, ярко отмеченный умением увлечь, организовать и направить.

Вспомним двенадцатый год. Отчаянный рубака, поэт-задира Денис Давыдов накануне Бородинского сражения пишет обдуманное письмо князю Багратиону, где предлагает «свои силы, опытность и отвагу употребить на партизанской службе».

– Лишне напоминать, Ваше сиятельство Петр Иванович, – горячо говорил при аудиенции Давыдов, – что транспорты жизненного и боевого продовольствия неприятеля растянулись на пространстве. Мыслью создать небольшие партии казаков и гусар и напускать их на караваны, следующие за Наполеоном, дабы истреблять источник силы и жизни неприятельской армии. Откуда она возьмет заряды и пропитание? К тому же, Ваше сиятельство, появление наших посреди рассеянных войною поселян ободрит их и обратит войсковую войну в народную. Народ ропщет на насилие и безбожие врагов наших. И уже сам вздымает топор.

Не правда ли, с какой точностью проявилось это и в 1941 году?

Князь доложил доводы Давыдова светлейшему. Кутузов дал свое согласие, оценив важность и своевременность предложения.

Усилиями Давыдова разгорелась по России беспощадным пламенем партизанская война. Он остался в истории ее теоретиком, организатором и практиком. Он поднял простых людей на войну, сделав ее поистине народной и Отечественной. Заветы его получили новую силу в Отечественной войне 1941 года: «...теснить, беспокоить, томить, жечь огнем неприятеля без уговона и неотступно».

Не ради славы воевал гусар Давыдов, ради Отечества.

Не ради славы вступил в войну наш современник Дмитрий Медведев. Один в один повторив то, что начал, развернул и завершил его великий предшественник.

И если немного подумать, Давыдов и Медведев – как два брата по судьбе. Оба не облаканы властью, хотя служили ей с честью, верой и правдой, личным мужеством преданные Отечеству, но опальные воины, можно с грустью отметить.

Бесшабашная отвага и расчетливая смелость, трезвая тактика и «упоение в бою». Ну и те качества народного вождя, которые приводились выше.

В первый день войны Дмитрий Медведев подает рапорт в НКГБ СССР, в котором просит решения о его возвращении в строй. Почему так? Почему заслуженный чекист, преданный делу революции и безопасности Советского государства, волей судьбы или тех, кто пытался ее заменять, оказался, как говорится, вне строя?

Легендарный соратник Дзержинского, можно сказать, с шестнадцати лет на «оперативной работе», награжденный золотыми часами, именным оружием «За беспощадную борьбу с контрреволюцией», нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК-ОГПУ», в 1937 году уволен в запас, так как его старший брат был арестован органами НКВД. Такое было суровое и неприемлимое время...

Добился восстановления, но в 1939 году был вновь уволен из органов по причине, вызывающей к нему сильную симпатию, – «допускал массовое необоснованное прекращение следственных дел». Скорее всего, оно именно было обоснованным.

И вот 22 июня 1941 года. В этот первый день войны Дмитрий Медведев представил наркомом НКГБ Лаврентию Берии докладную записку. И лично обратился к тов. Сталину с письмом, где подробно изложил концепцию партизанской войны и задачи спецотрядов государ-

ственной безопасности в деле сбора разведывательной информации о противнике и нанесении ему диверсионных ударов.

Идея знаменитого чекиста весьма заинтересовала Сталина. Значит, он уже в первый день предполагал, а может, и был уверен, что война предстоит долгая, тяжелая и далеко не всегда на своей территории.

Обращение в высшие органы Медведевым было воспринято с пониманием. Его большой практический опыт в чекистской работе, в борьбе с бандами, с белогвардейской агентурой позволил разработать (а потом и лично осуществлять) методы работы в тылу врага.

Тов. Сталин поручил Берии более детально рассмотреть предложения Медведева. Они были внимательно изучены в ведомстве, получили дальнейшую разработку, и на этой основе была создана стратегия и тактика партизанского движения с учетом его реальных возможностей и исторического анализа.

Здесь, в частности, были изучены и учтены методы разведки и диверсий со времен пластунов Русско-турецкой войны, Отечественной двенадцатого года, Первой мировой и Гражданской войн. Органично вошла в концепцию доктрина «малой войны», предложенная Михаилом Фрунзе и разработанная практически.

И, кстати, в стратегию партизанского движения хорошо уложился опыт недавней войны с белофиннами. Изучение его показало, как расчетливо и дальновидно поступал этот противник, когда оставлял территорию под ударами Красной армии.

За спиной наших передовых частей активно действовали лыжные батальоны автоматчиков с задачей дезорганизации войсковых тылов: уничтожение коммуникаций, нападения на госпитали, склады, штабы, уделяя при этом особое внимание снайперов на выведение из строя командного состава. Был даже в связи с этим приказ офицерам не выделяться знаками различия, pistolетными кобурами и портупьями, не снимать маскхалатов.

Эти группы – мобильные, хорошо приспособленные к действиям в суровых северных условиях – создавали серьезные трудности и представляли большую опасность. Целевая боевая и спортивная подготовка, автоматическое оружие, удобная экипировка, умелое и упрощенное минирование (мины попросту закапывали в снег), фанатизм – все это вызвало необходимость бросить на борьбу со щюцкоровцами значительные силы погранотрядов и других войск НКВД.

В результате уже в первых числах июля была создана Особая группа при наркоме ГБ для руководства разведывательно-диверсионным отрядом чекистов в тылу врага. На случай захвата Москвы немецкими войсками. Особая группа должна была разработать и осуществить план уничтожения в столице гитлеровского руководства. Ядро группы – опытные сотрудники внешней разведки. Впоследствии многие из них были направлены в тыл противника для организации партизанских отрядов.

18 июля 1941 года. Принято Постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск». В постановлении отмечалась необходимость создания партийного подполья, способного возглавить борьбу народных масс в тылу вражеских войск, готовить партизанские отряды, которые должны быть обеспечены оружием, боеприпасами, деньгами, радиоаппаратурой. Предлагалось в такие отряды направлять людей с опытом Гражданской войны, работников НКВД и НКГБ.

Для выполнения этих задач, проведения боевых операций в тылу врага в октябре 1941 года сформированные группой отряды особого назначения были сведены в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН). Бригада дислоцировалась на стадионе «Динамо». Помимо чекистов в нее вошли оперативники МУРа, спортсмены, специалисты всевозможных профилей – были даже механики по обслуживанию и ремонту самолетов, воины-интернационалисты, в основном испанцы. Все они прошли весьма серьезное обучение – прыжки с парашютом, стрельба из всех видов личного оружия – отечественного и трофейного, методы и способы маскировки, конспирации, приемы рукопашного боя и специальной борьбы,

подрывное дело. Овладели тактикой действий небольшими группами, приемами ведения ночной разведки, топографией, радиodelом. Проходили общефизическую подготовку вплоть до марш-бросков с полной выкладкой и амуницией.

Словом, цели и задачи бригады были четко сформулированы и поставлены. Среди них: оказание помощи Красной армии средствами разведывательно-диверсионных и боевых действий; содействие развитию партизанского движения; дезорганизация тыла противника; осуществление агентурной разведки на временно оккупированных территориях; проведение контрразведывательных операций; выявление и ликвидация предателей и изменников.

Особое внимание уделялось пропагандистской работе с населением оккупированных территорий. Беседы, распространение листовок и специальных выпусков газет, мобилизация на борьбу и сопротивление.

Медведев, инициатор всех этих мер, одним из первых повел свою группу в тыл врага. И очень скоро практически все оккупированные территории СССР были охвачены партизанским движением. Прекрасно организованным, четко направленным и внесшим неоценимый вклад в дело борьбы с фашизмом. Стихийное движение превратилось в системное.

Отряд «Суровый»

Одним из таких отрядов с названием «Суровый» командовал старший лейтенант госбезопасности Михайлов. Профессиональный разведчик, он уже дважды выполнял задания в тылу врага. И настоял, чтобы руководство операцией полностью доверило ему отбор будущих бойцов при формировании отряда. И, конечно, не ограничивался изучением личных дел кандидатов и их послужными списками. Не все были довольны его комплектованием, так как Михайлов включил в общий список не только, как было положено, чекистов, но и людей, далеких, казалось бы, от специфической работы разведчиков.

– Какая-то разношерстность наблюдается, – хмурился подполковник Одноруков. – Михайлов даже студента-филолога включил. Колхоз какой-то: и кузнец, и плотник, и агроном.

– Я доверяю Михайлову. У него, видимо, есть свои резоны, – возразил куратор отряда, заслуженный генерал-контрразведчик. – Рейд «Суровому» предстоит категорически трудный и опасный. Взаимозаменяемость в таких условиях – весьма ценное свойство.

Тем не менее генерал вызвал Михайлова для объяснений. Взял листок со списком личного состава.

– Название состава вам утвердили. «Суровый»... Небось общим собранием имя себе выбирали?

Михайлов улыбнулся:

– Боец Петров предложил: «Суровый мститель».

– Красиво, – усмехнулся и Генерал. – В традициях первых лет Красной армии. «Беспощадный полк пролетарского гнева».

– Но комиссар уточнил. Сказал, что длинновато и не совсем по сути.

– Что же не по сути?

– Слова Ленина привел. «Партизанские выступления не месть, а военные действия». И предложил сократить.

– Людей вместе с ним подбирали?

– Отчасти. – Комиссар был кадровым чекистом и умел оценить человека не только как бойца.

Генерал надел очки, стал просматривать список. Раза три прихмурился: что-то не понравилось. Сделал карандашом легкие галочки.

– Напрасно я тебе доверил самостоятельно формировать отряд.

– А что, по-вашему, не так?

– Ну вот смотри: старший сержант Сафронов.

– Ну, опытный боец, по немецким тылам прошелся.

– То-то и оно-то. Он ведь окруженец.

– Я знаю. Из-под самого Бреста фронт догонял.

– Так я же и говорю: из окружения вышел, – повторил генерал.

– А если бы не вышел, я бы его и не взял.

– Ехидство? Ну-ну.

– К тому же добавлю, товарищ генерал, Сафронов сирота, воспитанник детского дома.

– Это здесь при чем?

– А то, что рос и формировался в коллективе. Я сделал запрос, отзыв прекрасный: надежный товарищ, «заводиловка» на добрые дела, честен и смел.

Генерал покивал, наверное, соглашаясь.

– Так, идем дальше. Красноармеец Петров, студент, – продолжил генерал хмуриться. – У него же взыскание! А нам нужны люди безупречные.

– А вы знаете, за что на него взыскание наложили?

– Расскажи. – Генерал снял очки, откинулся к спинке стула и потер давно уставшие глаза.
– Эшелон, теплушка, дверь приоткрыта. А у него рядом с дверью винтовка стояла. И кто-то ее случайно вытолкнул. И этот красноармеец Петров выпрыгнул из вагона, подобрал винтовку и три километра бежал за составом.

– Догнал?

– Догнал.

– Да, плохо у нас поезда ходят. Медленно.

– Товарищ генерал, у меня еще есть сын кулака. Комсомолец.

– Как же его в комсомол приняли?

– Проглядели, – усмехнулся Михайлов. – Какие еще замечания?

– Радистка Караева.

– Она разведчица, из Особой группы.

– Но ведь девушка. В снегах, среди парней. Все время на глазах у мужиков.

– Я не смог ее отговорить. Тем более что у нее...

– Да знаю я! Я все про вас знаю.

Так и должно быть. Михайлов прекрасно понимал генерала. И не только его ответственность, но и заботу о тех людях, которых он посылал почти на верную гибель.

– Вот! – наконец-то генерал нашел бойца, которого Михайлов не сумел бы отстоять. – Старшина Савельев! Немолод, да это и не беда, я вот тоже немолод, но он же инвалид.

– Разве? – искренне изумился Михайлов. – Не замечал.

– Вот и приглядишься! Ты ведь за каждого в ответе.

– Савельев – участник Финской кампании. Его опыт для моих ребят бесценен.

– Вот и пускай он этот опыт здесь, на занятиях, передает твоим ребятам.

– Я так и полагал, товарищ генерал. Но уж очень он настаивает.

– Ну и пусть настаивает! Я вот тоже настаивал с Медведевым в рейд пойти. Тряхнуть стариной.

– Вы лучше здесь потряните! – смело посоветовал Михайлов.

– А что? – генерал насторожился.

– Полковник Одноруков необъективный интерес к моему отряду проявляет.

– Завидует. Сейчас ведь каждый на фронт рвется. Да не каждому дано.

Генерал глянул в конец списка. Уставшие глаза его азартно сверкнули:

– Ну вот, как ты можешь, капитан Михайлов, брать в оперативный рейд бойца с фамилией Бабкин.

Михайлов улыбнулся:

– Достойный боец. И на бабку никак не похож.

– Ладно, свободен. Что-то ты у меня засиделся, – проворчал генерал.

Вернувшись от генерала, Михайлов в который раз просмотрел список. И в очередной раз убедился в своей правоте. Сила отряда не только в мужестве и умении каждого его бойца, но и в беззаветном товариществе. Михайлов представлял себе отряд как будто бы одним человеком. Который может и умеет все: метко стрелять, ставить мины, брать «языка», пользоваться рацией, сготовить на морозе суп из топора, допросить и расстрелять пленного, отдать товарищу свой последний сухарь и поделить с ним последнюю щепоть махорки, пожертвовать собой ради общего дела.

Михайлов был уверен, что ни в одном из кандидатов он не ошибся. Что же касается радистки Анны Караевой, то тут у него тоже были сомнения. Но, упаси Бог, не в ней, не в ее профессиональной подготовленности и готовности к тяжкому ратному труду на грани жизни и смерти. Ему не как разведчику, а как человеку не хотелось обрекать девушку на борьбу не только с врагом, а со стужей, голодом, усталостью и трудностями зимнего походного быта.

«Я еще подумаю о ней».

Анна Караева – девушка яркой красоты по прозвищу Испанка. Черноглазая, со щедрой улыбкой, с тяжелыми волнистыми, до плеч волосами, с гибкой мальчишеской фигуркой, артистичная.

Почему Испанка – никто не знал. Федя Сафронов, сразу положивший на нее горячий цыганский глаз, как-то в хорошую минуту спросил инструктора-пиротехника:

– Это что у нее – оперативный псевдоним? Ее в нелегалку готовили?

Инструктор, развернув на коленях схему немецкой противопехотной мины, не поднимая головы, снисходительно пояснил:

– Темный ты еще в нашем деле, Сафронов. Оперативный псевдоним выбирается сугубо нейтрально. Ни в коем разе его не привязывают ни к биографии разведчика, ни к его внешним данным, ни к личной жизни, ни к родне, ни к привычкам.

– А что ж ее тогда Испанкой зовут?

Расспрашивая, Сафронов с деланным безразличием не прерывал своего занятия – раз за разом метал тяжелый штык-нож в древесный спил с черным кружком в центре.

– Да так кто-то, видать, разок ее обозвал – ну и приросло, закрепилось. Она уже в нашу группу Испанкой пришла.

– А я и вправду думал, что она какая-нибудь Кармен, – Сафронов с усилием выдернул нож из мишени. – Из тех детей, что из Испании вывезли. Да она и похожа на испанку.

– А то ты их видел!

– Два раза. В кинохронике. А потом и оперу смотрел – нас всем детдомом в театр водили.

– Оперу слушают, Сафрон, а не смотрят.

– Хороша девчонка, – логично завершил расспросы Сафронов и всадил нож в соседний с мишенью сосновый ствол. Аж снег осыпался с ветвей дрогнувшего дерева.

– Хороша сугубо. Только вот я надеюсь, что командир ее в рейд не возьмет.

– Да... – Сафрон задумался. – Я бы с ней не в рейд пошел, а в ЗАГС. Сколько наших девчонок за линией фронта кануло. Не ихнее дело – воевать.

– Сегодня у всех одно дело. А вот ты, Сафрон, с минированием отстаешь. Я тебе, сугубо говорю, не зачту свой предмет.

– А мне и не надо, – легко согласился Сафронов. – Мое дело – охранение снимать, «языков» брать. И языки им развязывать.

Инструктор сложил схему, встал.

– Затверди, Сафрон. Там, – он мотнул головой куда-то вдаль, – вы на все руки должны мастерами быть. Один в своем деле выбыл – другой его заменил.

Биография у Испанки до войны была еще маленькая, но хорошая. Совершенно типичная для сталинской молодежи. Крестьянская семья (сколько же великих людей дало стране наше крестьянство!), деревенская школа-семилетка, в которую зимой ходила за пять километров на лыжах, пионерский отряд, комсомол. ФЗУ – ткачиха, передовик производства. Кандидат в депутаты союзного Верховного Совета – высшего органа рабочих и крестьян. «Не прошла» по возрасту, восемнадцати еще не было.

И вдруг – комсомольская путевка в Иностранный отдел НКВД (ИНО, внешняя разведка). В этом ведомстве назрела необходимость укрепления и расширения кадрового состава разведки. Многие в ней были потери. Кто-то попал под подозрения и репрессии, кто-то утратил доверие, переменившись и изменив. Нужна была молодая подпитка – честными, преданными, стойкими и в любой ситуации надежными.

Анку зачислили в Школу особого назначения (ШОН НКВД). Школа была под жесткой рукой Лаврентия Берии. Подготовка кадров напряженная. Радиodelo, владение всеми видами легкого оружия – огнестрельного и холодного, специальная физическая и психологическая подготовка, иностранные языки (не менее трех, как правило).

По окончании школы – зачисление в центральный аппарат внешней разведки органов государственной безопасности; в перспективе – нелегальная резидентура за рубежом. Там она встретила тоже будущего нелегала с редким именем Серафим, но очень скоро их разлучили...

Война. Анну включают в состав группы особых заданий, сверхсекретной структуры в системе НКВД. На группу возлагают две задачи – диверсии в тылу противника и действия в Москве на нелегальном положении.

Первое – это понятно. А вот второе...

Осень 41-го года. Обстановка на фронтах Великой Отечественной – критическая. Враг уже на подступах к столице. ГКО решает провести эвакуацию правительственных учреждений, вводит осадное положение. Гитлеровцы готовятся вступить в город – столицу СССР. В германских войсках уже отпечатаны и вручаются приглашения на участие в триумфальном параде на Красной площади. Парад будет принимать Гитлер.

Да, просвещенная красавица Европа пала перед ним на колени, даже не пытаясь по-настоящему оказать сопротивление; виновато лизала грязные, в кровавых ошметках сапоги вермахта.

Но с нами это не прошло. Москва готовилась к борьбе на нелегальном положении. Руководство СССР приняло решение в случае захвата Москвы продолжать сопротивление, подготовив диверсионное подполье.

НКВД приступил к разработке и реализации диверсионного плана. Были определены наиболее вероятные точки в столице, где по случаю ее падения фашисты устроят свои торжества. Кремль, Большой театр, здание Верховного Совета. Главное зерно в этом плане – подготовленные диверсии непременно уничтожат верхушку Третьего рейха и даже самого Гитлера, поскольку его участие в торжествах будет непрямым. Если бы это удалось, дальнейшие боевые действия фашистов были бы парализованы.

Группа особых заданий активно готовилась к тайной войне в столице. В условиях абсолютной секретности формировались спецотряды. В самой Москве чекисты, причастные к ним, перешли на нелегальное положение. Минировали подземные коммуникации, тоннели глубокого залегания в центральной части города. Мины были заложены под всеми зданиями общественной и политической значимости. По некоторым, вполне достоверным данным, под Москвой разместили несколько вагонов взрывчатки. Гитлер, после победных торжеств, намеревался стереть Москву с лица земли. Мы решили сделать это своими руками. Что ж, это уже было в нашей истории. И не раз. И захваченной врагами была бессмертная Москва, и разрушенной была не раз, и не раз горела. Но сердце России вновь и вновь билось в одном режиме со всей Россией.

Анка участвовала во всех этих скорбных и тревожных оперативных действиях. Но у нее было личное задание от Лаврентия Берии: покушение на Гитлера.

Встречаясь с Лаврентием Павловичем, она обсуждала с ним все возможные варианты по реализации задания. И что интересно, трагично и достойно восхищения – способов покушения рассматривалось много. И все они были направлены на то, чтобы задание было выполнено. И ни разу не рассматривался способ устранения главного фашиста, при котором исполнитель получал бы хоть малейший шанс остаться в живых. Ни Лаврентий (да Бог с ним!), ни сама Анна не думали об этом. Тем и была обеспечена Победа.

Москва выстояла. Анну включили в состав ОМСБОНа, где в порядке общей подготовки она прошла еще и курсы медсестер...

Улыбнувшись, Михайлов одним движением резинки стер генеральскую галочку.

Старшина Савельев – участник финской войны. С гордостью носил значок «Отличник РККА» и успешно скрывал от проверяющих медиков скрюченные навсегда два пальца на левой руке, отмороженные в солнечной Суоми.

Его ценили за опыт в зимних боях, прислушивались к его советам. Пожилой был, но прыткий и вздорный. Спорщик. Прозвали сперва Ветераном. Все время схватывался по поводу отпускаемого «чмошниками» снаряжения, доказывал свое.

– Лыжи – главное дело, не хуже оружия. Чего ты жесткие крепления подсовываешь?

– Какие есть, – хмуро отвечал старшина.

– Какие есть! Для жестких креплений ботинки нужны, а мы что, на валенки их цеплять станем? У тебя голова садовая!

Старшина морщился, словно вокруг его круглой садовой головы с красными щеками вилась и жужжала надоедная муха.

– Бери полужесткие.

– Придется, – нехотя соглашался Савельев. – Хотя тоже не сахар. И даже не мед.

– Эти-то чем тебе плохи?

– Ремешки на морозе задубеют, переламываться станут. А пряжки стальные льдом обраснут – ни застегнуть, ни расстегнуть.

– Да тебе-то что? – злорадно отвечал старшина. – Тебя все равно не возьмут.

– Это тебя не возьмут!

Немного забегаая вперед, скажем, что в походе Савельев соорудил себе крепления для лыж не жесткие, не полужесткие, а мягкие. Очень простые и надежные, деревенские такие – поперечный ремешок и резинка из противогаса, охватывающая задник валенка. Надеваются лыжи мгновенно, снимаются еще быстрее. Одна проблема – резинка требует периодической смазки касторкой, чтобы не загубил ее мороз.

Многие бойцы оценили приспособление, последовали примеру. Противогазов, правда, не хватало. В первые же дни их почти все повыбрасывали, освободив противогазные сумки для более нужных вещей – для патронов, круглых гранат «фенек», да и для сухарей и махорки.

Радистка Анка, по совместительности должностей еще и медсестра, в один из дней даже встревожилась и доложила командиру:

– За касторкой бегают ребята. Не пойму, на эпидемию не похоже.

– Ветеран их подучил, – успокоил ее Михайлов.

Воевал Савельев и с инструктором по лыжному ходу. Все доказывал свое: как ходить по глубокому снегу, как изворачиваться в зимнем лесу среди бурелома, коряг, кустарника.

– Чего ты учишь? – доказывал. – Мы так в первый день без лыж останемся. Да и это не лыжи – дрова.

– Ты к финским привык, – терпеливо отмахивался инструктор.

– Михалыч, – одергивал Ветерана командир группы, – не спорь, тебе опытный спортсмен объясняет.

– От то и дело: он спортсмен, а я целину бороздил, в снегу по пояс да без палок.

Вмешивался и в другое. Уже накануне выхода в рейд зашел к командиру, сдернул шапку, осанисто уселся.

– Вот что я, товарищ старший лейтенант, сегодня ночью подумал.

– Ночью спать надо, а думать днем.

– Днем некогда, – переложил шапку с колена на колено. – Сейчас личное оружие получать станем. Заглянул я на склад – одних «папаш» нам приготовили. – Так он называл автомат «ППШ». – Неладно это будет.

– Это почему? Хороший автомат, надежный. И магазин емкий.

– Кто спорит? Токо он где хорош? В окопе хорош, в атаке. А для леса громоздок, тут машинка покороче нужна. И магазин... пока семьдесят патронов в него набьешь, руки отморозишь.

– Так в чем дело-то? – командир уже ерзал нетерпеливо: вот-вот выступать, дел еще невпоровот.

– Не подгоняй, дослушай. Идем – все добро на себе. Продовольствие, мины, гранаты, рация и все другое-прочее. А боезапас? Что, тоже на все время запасемся? Да тут одних патронов вагон нужен.

– К чему это все, Михалыч?

– Трофейное оружие надо брать. Во-первых, ихний «шмайссер» короткий, прикладистый, магазин расчетливый. Мы в ту войну похожие финские автоматы подбирали... Другое дело – патроны. Уж что ж мы в тылу у немца его же боезапасом не обеспечимся?

Командир задумался. А Ветеран добавил:

– У всех личный «ТТ», так? А мне один оружейник сказывал, что немецкий автоматный патрон к нему нормально подходит. Вот тебе еще экономия по весу.

– Ну, это еще проверить надо. Все у тебя?

– Кабы так. Как оружие получим – враз на полигон. Пристрелять каждому свое надо, обвыкнуться с ним.

– Ну, это и без тебя известно, – командир встал. – Я уже распорядился.

Вскочил и Ветеран, шапку нахлобучил.

– Скажи санинструктору, чтобы вместо всяких мазей для обморожения гусиным жиром запаслась. Верное средство.

«Шмайсеры» в арсенале нашлись, в нужном количестве, правда, почти все первой модели – без переводчика на одиночный огонь. Но Ветеран сказал, что это не беда. «Пушай привыкают расчетливо стрелять, короткими очередями. От длинной очереди толку мало».

Боец Бабкин был добрый человек, балагур. Запасливый, но не жадный. Всегда у него найдется в вещмешке и фляга, в которой не вода заманчиво булькает, и лишняя пачка махорки, да не абы какой, а настоящей «Моршанской», и линованная бумажка для письма, и запасная горсточка патронов, и заботливо непотраченный обмылок.

В казарме только и слышится:

– Ребята, у кого кремешком для зажигалки разживусь?

– Бабкина спроси. У него этих камешков на полную роту хватит.

– Хлопцы, белой ниточки на подворотничок не хватило!

– У Бабкина в загашнике две катушки сороковки.

И Бабкин не жалеет своего запаса, щедро делится, не оговаривая просителя. Но и ему от товарищей отказа ни в чем нет. Доброй душе все души добротой отзываются. С таким Бабкиным хорошо и в строю, и на походе, и на привале; спокойно и уверенно рядом с ним и в бою.

Дружен Бабкин со всеми. Но особо выделяет красноармейца Петрова, бывшего студента филфака. Институт его отправили в эвакуацию, кажется, в Куйбышев, но студент Петров пошел сперва в ополчение, а потом каким-то чудом оказался в отряде «Суровый». Бабкин уважает Студента за великие знания, еще не догадываясь, что командир сумел рассмотреть в этом позавчерашнем школьнике будущего вдумчивого, расчетливого, хладнокровного бойца.

Но еще больше уважал Бабкин снайпера Васю Коркина по прозвищу Пионэр. Вообще говоря, в отряде повелось давать прозвища, дружелюбно и метко. Впрочем, это любому коллективу свойственно.

Ветеран, Испанка, Студент... Только у Бабкина прозвища не было – вполне фамилия за кличку сходилась: Бабкин внук, к примеру.

– Оперативные псевдонимы, – улынулся, узнав об этом, Михайлов и подумал: «Интересно, а как они меня прозвали? Батей, скорее всего. Что ж, не самый вредный вариант».

А вот Пионэр...

На одном из первых собеседований кадровик для порядка спросил Васю Коркина:

– Комсомолец, конечно?

– Не успел, товарищ капитан. Пионэр еще.

Так и сказал: «пионер». Откуда в отряде это стало известно – тайный мрак, но уже на занятиях и тренировках Васю вовсю звали Пионером. Он в самом деле выглядел пацаном – худенький, живой, росточком не вышел. Однако Савельев, приглядываясь к Пионеру, не раз говаривал: «Этот покрепше иных и прочих себя покажет. Такие худосочные самые крепкие по жизни, стойкие и устойчивые».

(Так и оказалось. Большие трудности Пионер переносил с искренней мальчишеской улыбкой, помощи никогда не просил, а сам в любую минуту готов был помочь. Искренне, с полной отдачей своих сил.)

Никому не завидующий Бабкин Пионеру отчаянно завидовал за его мастерство снайпера. Самому Бабкину для снайперской работы не хватало остроты зрения. Да и терпения и выдержки тоже. Но сам Пионер к своему редкому умению относится спокойно, без гордости. Ну, наградила его мать-природа, чем же тут гордиться, какая в том его заслуга? Кто-то от природы прекрасно рисует, кто-то поет, кто-то пишет книги или делает филигранную работу на обычном станке. «А я хорошо стреляю. И сам не знаю, как и почему. Вижу прорезь, вижу мушку, вижу цель».

– Он еще видит, – с чистой ревностью восхищается Бабкин, – куда летит пуля.

Студент Петров улыбается:

– Боря, Одиссей стрелу из лука пускал через двенадцать колец. Да и наши предки не хуже были умельцами – пять стрел подряд одну в одну всаживали.

Да, ребят подобрали отличных. Все они – молодые, чистые, увлеченные – стали настоящими воинами буквально за несколько дней. В первом же бою. И если кому чего не хватало – опыта, выдержки, умения, – все это они добыли в боях. Не ради славы и наград...

Михайлов выстроил группу.

– Днями выступаем. Рейд будет трудным и опасным. Не все из нас вернутся в часть, говорю об этом откровенно. А еще и потому, что даю время каждому подумать. Если кто чувствует, что задача ему не по плечу, должен отказаться сразу, чтобы не стать обузой товарищам. Позорного в этом не вижу. Лучше поступить честно. – Командир выждал, никто не сделал шага вперед. – Может, кто-то стыдится товарищей... Даю пятнадцать минут на раздумье. Разойдись!

Через пятнадцать минут все двадцать человек снова были в строю. Ни один не отказался.

– Хорошо. Я и не сомневался. Все свободны. Сержант Караева зайдите ко мне.

– Вот что хочу сказать тебе, Аня, – Михайлов прошелся от окна к двери. – Я считаю, что такой рейд не для женщины. Тебя есть кем заменить. Что ты молчишь?

– Товарищ старший лейтенант, я прекрасно хожу на лыжах, стреляю лучше вас. Спецподготовку сдала на «отлично». Радиодело – тоже. Знаете сколько знаков я принимаю и передаю в минуту?...

– Знаю, – улыбнулся командир. – Помню и давешний марш-бросок. С полной выкладкой. Ты его завершила третьей, с прекрасным результатом. Но ведь дело не только в этом. Ведь ты девушка. Месяц, а то и больше будешь постоянно находиться среди мужчин, все время на глазах, понимаешь? Неловко ведь, а? – Он сам стеснялся своих слов. – Бытовые условия... К тому же месяц обещают морозный и снежный. Категорическое поставлено условие: в целях конспирации ни одной ночевки под крышей, ни в селе, ни в деревне. Ночевки в лесу, на снегу. Ты все поняла?

– Я ничего не поняла, товарищ старший лейтенант. Разрешите идти?

Когда Испанка вышла, командир опустил на стул, закурил. Он никогда не сомневался в победе над врагом. А сейчас он был в этом уверен. «Ничего не поняла...»

– В старое время я бы тебя отечески благословил, – говорил генерал-куратор Михайлову. – А сейчас только загружу советами да наставлениями. От них, мне думается, больше будет пользы. Да ты садись, садись. Можешь даже покурить при большом начальстве. – Видно было, что он волнуется, не знает, какими словами отправить этого парнишку в самую серединку

самой страшной войны на Земле. – Рейд будет очень трудным. Трудным предельно. И успешное выполнение поставленных задач зависит знаешь от чего?

– Знаю, Иван Васильевич. – Они были давно знакомы, несколько лет служили вместе и были дружны – насколько возможна дружба между генералом и старшим лейтенантом. – Успех любого общего дела – это дисциплина.

– Точно! Смотри ты, угадал! – генерал неумело пытался шутить. – Везде и всюду, даже в самом малом. Сегодня не умылся, завтра на посту заснул, послезавтра без приказа отступил.

– У меня таких нет.

– Я тебя не слушаю, – подчеркнул генерал, – я тебе говорю. Во-вторых, мобильность отряда. Утром здесь, вечером там. Мало того что неуязвим, ты этим создашь у противника впечатление, что в этом районе действует не один отряд, а несколько. Отсюда у немца неизбежное распыление сил.

– Товарищ генерал, я об этом в наставлениях читал. Там даже лучше сказано, доходчивее.

– Уж лучше, скажешь тоже. Ведь эти наставления я сам писал. Для таких, как ты. – Генерал явно не знал, что сказать Михайлову в дорогу. Он был солдат и чужд всякой театральности в словах и жестах. – И еще – отношения между бойцами. На дневке – друзья и братья, в бою – товарищи.

– Понял, Иван Васильевич. Я сам так думаю.

Генерал встал, положил ему руку на плечо и наконец-то нашел нужное слово:

– Возвращайтесь, – помолчал, – ни дня без боя. И ни одного боя без победы.

Михайлов дважды за это время выезжал на фронт, в район предполагаемого перехода отряда в тыл к немцам. Изучал на передовой обстановку, особенности обороны противника, местности. Его сопровождали ротный разведчик и командир саперного взвода. Втроем они подбирались практически к немецким окопам, слышали их говор, звяканье оружия и даже ощущали запахи вражеской солдатской пищи.

– Тут товарищ старший лейтенант, – пояснял разведчик, – справа и слева от нас, у соседей, дважды какие-то группы делали попытки пересечь линию фронта. Но все неудачно. Ракет, подлец, не жалеет. Светло по ночам, как в летний день. И огонь плотный – нахрапом не взять.

Михайлов задумывался, прикидывал. Вдруг со стороны немцев застучали ложкой в котелок и донеслось веселое:

– Рус Иван, обедать!

Сапер и разведчик рассмеялись.

– Каждый день такое, ровно в полдень. Хоть часы проверяй.

– А что такое?

– Да просто это. Немец аккуратность любит и режим. У него обед в двенадцать, и тут хоть тресни – перерыв войне. Жрать садятся.

– И вы им аппетит в это время не портите? – спросил Михайлов с иронией.

Разведчик смутился:

– Когда как. Иной раз и не стоит людьми рисковать, чтобы фриц обедом поперхнулся. А жрет со вниманием. В ущерб службе.

– Вот как? – неожиданное решение пришло. – Спасибо, товарищи. Мне пора.

– Откусываете с нами?

– В другой раз, – Михайлов помолчал. – Вот как вернемся, так и откусываем.

– Ну если так... Правда, вы ж можете и другим путем вернуться, – сказал сапер. А можете и не вернуться, подумал.

– Не спорь, младшой, – оборвал его разведчик. – Главное, чтоб вернулись.

В тот же день за полночь обсудили с комиссаром все, что оставалось еще и еще раз обсудить.

– В людях я уверен, – сказал комиссар. – На всех занятиях присматривался. Отбор сделан безошибочный. Когда выступаем?

– Послезавтра.

– А почему не завтра? У нас ведь все готово. Лишний день ожидания...

– Послезавтра обещают обильный снегопад. Северный ветер.

– Понятно. И линию фронта легче перейти, и вернее в ночи затеряться.

– Переходить будем днем, – сказал Михайлов. – В полдень.

– Как это? – выдержанный и всегда спокойный комиссар откровенно растерялся. – Прорыв? Будут большие потери.

Командир объяснил.

– К тому же сильный снег, ледяной ветер, обед в блиндажах, усиленные посты сняты. Проскользнем.

Комиссар покачал головой.

– Огромный риск.

– Ночью там не пройти. Немец ночи боится, сам себе не верит. Бдителен. А днем расслабляется.

– Ну-ну. Как-то это...

– Я уверен, пройдем без выстрела и без потерь.

Накануне перехода в тыл противника Михайлов еще раз побывал на передовой. Обстановка на выбранном участке стала ему предельно ясна, и уверенность в том, что решение принято верное, укрепились.

– А слева у вас что? – спросил он прикрепленного разведчика.

– Там, товарищ старший лейтенант, у немца оборона тоже слабая, как и у нас. Но мы ее хорошими минными полями подстраховали. И полевая батарея там замаскирована. Хотите там попробовать?

– Нет, мне здесь лучше нравится.

Михайлов снова поднес бинокль к глазам, снова повел им вдоль полосы.

Затишье здесь, по-видимому, было нормальным. В стратегическом отношении ни нам, ни немцам этот участок интересен не был. Тем более удивительно, что вдруг слева зачастила прежде замаскированная батарея. Выстрел за выстрелом, почти без интервала – беглый огонь. И так же неожиданно он смолк – отрубился.

– Что там? – спросил Михайлов.

– Надо посмотреть.

Где траншеями, где короткими перебежками по открытой местности перебрались на левый фланг.

Здесь, у пулеметного гнезда, собрались командиры, неотрывно глядя в завешанную легким снегопадом запредельную сторону, негромко переговаривались.

– Черт его знает!

– На прорыв не похоже.

– Какой прорыв, одна машина. Да еще и с фарами.

– И с сиреной.

И точно, в ближнем тылу послышался пронзительный вой, и сквозь снежную пелену замерцали танковые фары.

– Не иначе кто-то наш пробивается.

– Так точно. В этом районе танковая рота Одинцова разведку боем вела.

– Вовремя огонь прекратили. Да как бы он на мину не наступил.

Рев танкового двигателя был уже хорошо слышен. В него вплетались автоматные очереди. Даже казалось, что доносились суматошные крики немецких команд.

– Наш рвется – точно. А ну-ка, бог войны, кинь пяток снарядов ему в поддержку.

Ударили орудия. Вокруг танка встали разрывы. Стрельба прекратилась.

И вот во всей красе вырвался из снежной замети ободранный и частично обгоревший танк. Подпрыгнул правой гусеницей на полном ходу – точно: на мину «наступил». Но гусеница выдержала противопехотную мину, и танк, преодолев последние десятки метров, остановился перед траншеей, переводя дух. Лязгнул люк механика-водителя, высунулась голова в черном ребристом шлеме.

– Свой? – спросил танкист севшим голосом.

– А ты?

– Не видишь, что ли? Прорвался-таки. Мне к большому начальству надо. Комполка где?

Танкист тяжело выбрался из машины, сел, прислоняясь к гусенице, попросил закурить.

Кто-то быстренько свернул самокрутку, раскурил, сунул ему в рот.

Подожли офицеры.

– У меня важные сведения, – сказал танкист, вставая и затаптывая сигарку. – Для комполка, не меньше. Или особистов давайте. Больше никому докладывать не буду.

– Что у вас? – шагнул вперед Михайлов.

– А вы кто?

– Командир отряда НКГБ.

– Ты мне и нужен. Держи. – Танкист скинул шлем, пошарил внутри, выудил свернутый клочок бумаги.

Михайлов взглянул: шифровка.

– Откуда?

– Оттуда, – мотнул головой в немецкий тыл. – От вашего разведчика.

– Докладывай.

– Мы вели в этом районе разведку боем, фриц тут готовил вроде как бы неожиданный прорыв. Взяли нас в клещи. Боезапас ниже нуля, горючка на пределе. Командир роты принял решение пробиваться с боем к своим. Тем более что задачу свою мы выполнили.

Мой экипаж оставили прикрывать отход. Со всех машин собрали и передали нам почти весь боезапас, оставив на прорыв по пять снарядов на каждый танк.

Мы загнали нашу машину в подходящую бомбовую воронку, как в окоп, и подготовились к обороне. Мы были уверены, что живыми из этого боя нам не выйти.

Первую атаку мы отбили пулеметом. Вторая была танковая. Наш наводчик и заряжающий действовали, как две руки у одного мастера. Подбили два танка и еще один подожгли. Еще три немецких танка развернулись и ушли. Настала тишина. И в этой тишине мы хорошо слышали позади нас хлопки танковых орудий и выстрелы противотанковых пушек – это пробивалась к линии фронта наша рота. И мы подумали: пока мы здесь, живы и ведем бой, она окружена не будет и прорвется к своим. И будет воевать дальше с ненавистным врагом. И эти мысли придавали нам силы и стойкость.

...Отбили пулеметным огнем еще одну атаку автоматчиков. И пулемет наш замолчал – кончились патроны.

С личным оружием – с автоматами – мы выбрались из танка и залегли от него по обе стороны, обложились гранатами: будем стоять до последнего!

Снова атака. Немцы подобрались вплотную, навстречу им полетели гранаты. И на этот раз отбились.

Атака... Все реже слышу стрельбу моих товарищей... И вот она навсегда замолкла. А невдалеке снова поднялась цепь атакующих. Я бросился в танк – там оставались еще гранаты. Но, выглянув из люка, понял, что не успею. И тогда я взялся за рычаги. Танк послушно взревел и пошел на прорыв. Немцы дрогнули.

...Мне удалось прорваться. Пропав за заснеженным полем, я ворвался в березовую рощу, а затем скрылся в чащобе леса. Преследования не было. Может, солдаты не смогли угнаться за

моей машиной, а скорее всего, решили: куда он денется, этот одинокий и безоружный танк в их тылу, рано или поздно у него кончится горючее, и он будет взят без единого выстрела...

Найдя подходящее глухое местечко, я замаскировал машину ветками и присел в раздумье на броне.

Смеркалось. Доносился рокот боя. Сильно похолодало. А я все думал нелегкую думу: как быть дальше? К своим я не пробьюсь, здесь оставаться тоже бессмысленно и неразумно. И решил поджечь танк и уходить пехотинцем, к фронту. В надежде как-нибудь перейти его линию.

Машину было жалко, но не оставлять же ее немцам. И я уже приготовился сливать в ведро топливо из баков, но тут вдруг совершенно беззвучно и ниоткуда возник передо мной... немецкий солдат. Я даже не успел перекинуть из-за спины автомат.

– Тихо, – сказал он вполголоса. – Свои.

Вот так я встретился с разведчиком.

Это был совсем молодой парнишка, с трофейным автоматом, в немецкой форме. Как я понял, он уже много дней работал в немецком тылу, выполняя важные задания. Он узнал и разведал очень многое. Но был немногословен.

– Твое звание? – спросил он меня.

– Сержант.

– Я – старше по званию. Это понятно?

Конечно, понятно. Старший по званию, поступаю в его распоряжение.

– Как дальше воевать собираешься?

Я сказал. Разведчик покачал головой.

– Вот что надо сделать. Здесь, на этом участке, немцы готовят прорыв. Сюда перебрасываются свежие части, мототехника, артиллерия. Все эти сведения у меня есть, и нужно их срочно передать нашему командованию. – Я слушал и кивал, еще не понимая своей роли. – Я это сделать не могу. Должен задержаться.

Позже он довольно скупно объяснил, что им обнаружен какой-то мощный узел связи и необходимо его вывести из строя. Важность этой задачи я, конечно, понял. Что такое – оставить войска перед наступлением без связи? Это значит порвать все нити управления полками, ротами. Это значит лишить всех командиров глаз и ушей.

– Я надеюсь на тебя, сержант. Сегодня в ночь в направлении Званска пойдет танковая колонна противника. Позицию она займет, по моим сведениям, в районе деревень Пеньки, Подосинки, Сосновка. Это в непосредственной близости к передовой. Твоя задача – вклиниться в эту колонну, а затем прорваться в наше расположение.

– Это как? – я даже немного растерялся.

– Это очень просто. Колонна пойдет скрытно, рассредоточенно, с большими интервалами между машинами. Тут неподалеку есть возможность незаметно выйти на шоссе и следовать далее в составе колонны. Еще не понял?

Я стал понимать. Хозяйственные немцы тщательно подбирали всю выведенную из строя технику – и свою, и нашу – и отправляли ее на заводы. Что-то ремонтировалось, что-то шло в переплавку на металл. А если, положим, попадались наши исправные танки, немцы использовали их по прямому назначению, в бою. У них даже были специально подготовленные экипажи, владеющие нашей техникой.

– И ты практически до передовой пройдешь в колонне. Никто на тебя не обратит внимания, никому в голову не придет, что советский танк ведет наш советский танкист.

Придумано здорово. Придумано человеком, привычным к риску и опасности. И его уверенность передалась мне.

– Где твой шлем? – спросил он. – Утрачен?

– В машине.

– Давай сюда.

Разведчик сам вложил в шлем, под подкладку, небольшую сложенную бумажку, испещренную множеством цифр.

– Это мое донесение. Сделай все, чтобы доставить его командованию. Держи, – он вернул мне шлем. – Не буду говорить о том, что, если тебя обнаружат и схватят, донесение должно быть надежно уничтожено.

– Само собой, – обещал я.

Настала ночь. Но наш разговор еще не закончился. Мы забрались в танк, я закрыл все люки и включил подсветку. На коробке из-под папирос разведчик начертил мне схему.

– Вот смотри, сержант. Здесь, в шести километрах к северу от Званска, будет дислоцироваться вражеский танковый батальон. Колонна свернет вот здесь, на окраине Подосинок. А ты пойдешь вот сюда. Здесь у них слабое место на позиции, потому что – болото. Однако они успели там гать настелить. Ты по ней и промчишься. Все понял?

Мы выбрались наружу. Фронтальная полоса вся освещалась непрерывными вспышками ракет. Стрельба затихла. Изредка бухнет где-то вдали снаряд, протрещит короткая пулеметная очередь.

– Сейчас спать, – сказал разведчик. – Охранение ведем по очереди. Разбудишь через час.

Я никогда не видел, что человек может уснуть мгновенно. Его будто выключили. Всмотревшись в его лицо, я поразились его усталости. И решил не будить, пусть отдохнет подольше. Но ничего не получилось: ровно через час он открыл глаза – его снова включили.

– Слушай, парень, – сказал он. – Я не знаю, когда вернусь к своим. И вернусь ли вообще. Обещай мне доставить донесение.

Потом он забрался в танк и достал гранаты. Сделал две связки телефонным проводом, увязал их вместе и перекинул через плечо.

Ночь сгустилась, притихла в тревоге. Со стороны невидимого шоссе еле слышно стал доноситься рокот многих машин. Он надвигался и угасал волнами – одна прошла, другая, третья...

– Заводи! – разведчик взял автомат, подкинул на плече поудобнее связки гранат. – Я на тебя надеюсь, не подведи.

– Прорвусь! – твердо пообещал я и скрылся в люке водителя.

На самых малых оборотах я подошел к танку к шоссе и затаился, выжидая. Мимо, машина за машиной, шла колонна танков. Интервалы, как и говорил разведчик, были большие, он правильно все рассчитал. И у меня все получилось. Незаметно встроившись в колонну, в нужный момент я свернул на гать, дал полный газ и включил фары. Самое удивительное, что меня не обстреляли вслед. Наверное, у них был строгий приказ не демаскироваться.

– Что еще? Встретили меня хорошо, с огнем. Спасибо, что промазали.

Михайлов аккуратно сложил шифровку, передал командиру полка:

– Срочно в Особый отдел. Они знают, что нужно сделать. А тебе, сержант, спасибо, – Михайлов наклонился к нему: – Он назвался?

– Только имя сказал – Виталий.

– Как выглядел?

– А то я знаю. В темноте общались, где ж тут приглядываться.

– Ну, рост, к примеру, фигура? Речь?

– Ростом вроде вас, сухоощавый такой, подобранный. Речь нормальная, на русском языке. Только все время вдруг по-немецки заговаривался. Но потом обратно к русскому возвращался.

Михайлов, конечно, не мог знать, что за разведка действовала в этом районе. Может, да и скорее всего, это не была группа, а трудился одиночка, ночной охотник. В форме немецкого солдата, не привлекая внимания, бродил от части к части, откликался, отмалчивался, отругивался, собирал по крохам сведения.

И сколько их таких, лесных призраков, затерялось в лесах, затерялось в войне – без следа, без имени, без вести...

– Построились. Вещмешки перед собой. Стоять вольно.

Командир прошелся, скрипя свежим снегом, вдоль строя. Над его головой розовело расцветное небо, в котором устало гасли ночные звезды.

– Развязать мешки. Приготовить оружие к осмотру.

Ледяным ветерком повеяло от этих слов. Они будто отсекали вчера от сегодня. Вчера – учение, сегодня – в бой. С занятий приходили уставшие, а из боя... Все ли придут?

Командир дотошно осмотрел укладку мешков, сделал Бабкину замечание, что неуклюже приторочен маскхалат. Из мешка Караевой чуть было не вытянул недовязанный шерстяной носок с короткими спицами. Улыбнулся про себя, взглянул на Сафрона. Стал перед строем. Кивнул комиссару.

– Товарищи! Много говорить не стану. Родина наша в опасности. Столица наша под угрозой захвата проклятым фашистским врагом. Вся страна встала на защиту. От мала до велика. И мы с вами в этом нерушимом строю. Перед нами поставлена важная задача. Конкретно разберемся с ней в тылу противника. На нашей земле. Которую он топчет, разоряет, щедро поливает кровью наших бойцов и мирных жителей. А мы польем ее кровью захватчика! Пусть он захлебнется в ней! Пусть подавится тем, что успел забрать в свою смрадную пасть. И пусть издохнет на нашей земле! Кровь за кровь! Смерть за смерть!

Стало совсем тихо. Только в густых, обильно укрытых снегом ветвях копошились синички. Да с полигона доносилась нечастая винтовочная стрельба.

– Не дадим покоя врагу на нашей земле. Ни днем, ни ночью. Пусть встанет утром, но не дожидается сна. Пусть ляжет спать, но не проснется. Каждый наш патрон, каждая граната, каждый холодный штык, каждая твердая рука на горле фашиста – вот ему ответ на все его злодеяния. Клянемся бить врага до победы!

– Клянемся! – И над строем колыхнулось плотное морозное облако, будто выдохнул один большой человек.

Пошли к машинам строем, в одну шеренгу. На груди автоматы, на поясе гранаты и ножи, на левом плече лыжи, за спиной вещмешки. Хрустко отзывался крепкий снег под валенками, покачивались в такт плечи. Идти вам, ребята, и идти. Кто-то из вас назад придет?

Два тентованных грузовика без номеров уже стали похожи на большие снежные завалы. Из-под которых вились неспешно, пофыркивая, синие дымки выхлопа.

В один грузовик погрузили снаряжение, лыжи, рацию. Туда же посадили Анку-Испанку. И туда же вскарабкался Ветеран, забросив в кузов свой мешок. Быстро задернул тент.

– Старшина! – окликнул его командир группы. – Отставить!

Молчание. Командир и комиссар растерянно переглянулись.

– Старшина Савельев! Покиньте автомашину! Это приказ!

– У меня свой приказ, – глухо отозвалось из глубины кузова. – Личный.

Полог отдернулся, появилось взволнованное Анкино лицо.

– Товарищ старший лейтенант, ему обязательно надо. У него там мать. И сестра.

Опять переглянулись, уже с недоумением.

– Откуда бойцам известен наш маршрут следования?

– Им все известно, – комиссар поскрипел снегом, переминаясь. – Пусть идет с нами. Полезный боец.

Командир прошел к переднему грузовику, где уже разместился личный состав группы.

– Порядок, ребята?

– Так точно, товарищ старший лейтенант, – отозвался Сафронов. – Тут даже чья-то добрая душа соломки натрусила.

Командир промолчал. Никто эту соломку в кузов не трусил – в грузовиках завозили корм лошадям. И никакая добрая душа, кроме высшего командования, не знала о предстоящем рейде.

Командир поставил ногу на ступеньку кабины, комиссар уже распахнул дверцу другого грузовика – но затрещал все громче и ближе штабной мотоцикл. Затормозил, развернулся, боец вручил командиру пакет.

Тот глянул, кивнул, расписался, застегнул его в планшетку. Что-то сказал курьеру. Комиссар расслышал только обрывок фразы: «...вскрыть за линией фронта».

Машины тронулись. Взошло солнце...

– Недолго же мы на фронт ехали, – с горечью сказал Сафронов, спрыгивая на землю.

– Ничего, – сказал комиссар, – настанет время, когда мы очень далеко будем от Москвы.

– Долог будет путь, – добавил Савельев, принимаясь за разгрузку имущества. – И не каждый его пройдет до конца.

– Разговорчики! – прикрикнул Бабкин. – Я вас с такими настроениями отстраню от участия в операции. И лишь продпайка, а также фронтовых ста граммов.

– Виноват, товарищ генерал.

Сафронов принимал из кузова вещмешки и лыжи и складывал их на утоптаный снег.

– А что-то тут боя не слышно. Артиллерия спит, стрелки отдыхают. Непорядок на передовой.

– Типун тебе на язык, – сердито выразился подошедший красноармеец. – Вы, что ль, отряд «Смурной»?

– «Суровый», – строго поправил Сафронов. – Прошу не путать.

– А мне все едино. Приказано вашего командира к нашему комполка препроводить. И где он?

– А он уже там, – Бабкин махнул в сторону передовой, – у немца в тылу. Догоняй, пехота!

– Глупая шутка, боец Бабкин, – подошел Михайлов.

В блиндаже комполка прежде всего предложили согреться с дороги чаем. Потом обсудили детали перехода в немецкий тыл. Комполка решению перейти оборону противника среди бела дня не удивился. И даже его одобрил.

– А мы чуть позже огоньком вас прикроем, отвлечем немца. И надо сказать, место вы удачно выбрали. Здесь у него оборона слаба. Мы уже было намеревались прорвать ее, да сверху категорически отказали. Теперь ясно – почему. Удачи тебе, старлей. Иванцов, Сердюк, сопроводите группу к передовой линии. А там вас разведка наша примет. И минеры. В минном поле проход вам обеспечили – и у нас, и у фрицев.

Когда подошли к траншее передовой линии, пурга уже свирепствовала вовсю. В пяти шагах кроме снежной круговерти ничего не видеть. И ничего не слышать, кроме свиста и воя ветра.

Заслоняясь, прикрывая от снега карту, Михайлов и разведчик еще раз уточнили все приметы и ориентиры на местности.

Разведчик старательно пояснял:

– Вот эта ложбинка как раз к Семеновскому массиву выходит. В лесу у них практически ничего нет, мои ребята вчера опять проверяли. Батарея противотанковых орудий и капониры для грузовиков. А вот здесь – пулеметный расчет, вот тут – постоянный наблюдатель, а вот это – постоянный пост. Его вам никак не обойти. До него метров пятьдесят.

– Сафронов! Выдвигаешься с разведкой. Снимаешь часового. Очень чисто.

Сафронов потрогал нож, подвигал его в ножнах, перевалился через бруствер и исчез в снежной замети.

– Группе приготовиться!

Чуть пошевелились и замерли.

Напряженное ожидание. С немецкой стороны – ни звука, ни выстрела. Откуда-то свалился в траншею Сафронов. Перевел дыхание, доложил:

– Порядок, товарищ командир. – Голос его чуть дрогнул.

Разведчик с интересом взглянул на него:

– Он у тебя первый? Тогда с почином тебя, не знаю твоего звания.

– Старший сержант. По общему счету не первый. Я как Белоруссию прошел, с десятков их уложил. Одного даже лопатой. А вот ножом – первый.

– Выдвигаемся! Справа по одному марш. Комиссар – замыкающим. Пошли!

Спецотряд Сосновского

– Как у тебя с немецким, капитан?

– На уровне... – Сосновский поскреб пальцами два дня не бритую щетину. – На уровне «хэнде хох!» и «Гитлер – капут!»

– Негусто. – Майор-особист глянул на него и погладил ладонью чисто выбритые щеки. – А у твоих ребят?

– Еще лучше, – усмехнулся Сосновский. – «Доннер-веттер... твою муттер!»

– Понятно. Вам переводчик нужен.

– Не просто переводчик, майор. Нам нужен настоящий немецкий офицер. Форма, документы, знание обстановки.

– Поищем. У нас много чего найдется. И переводчики, и разведчики.

– Разведчик у нас есть, комполка выделил.

– Это само собой. Еще чаю? Это само собой. Но тебе нужен не только тот разведчик, что ползает. А тот, кто в полный рост ходит. Так я понял?

Сосновский молча кивнул.

– Ладно, капитан, шагай. Комполка ждет. Шагай налево по тропке, не ошибешься, его блиндаж аккурат под сосной.

Блиндаж был добротный. В углу – даже настоящая печь. Комполка заметил его взгляд, усмехнувшись, пояснил:

– Мои умельцы сочинили, саперы. Кирпича-то – хоть завались, – это он с горечью сказал. – Как отстраиваться-то будем?

– Отстроимся. Надо прежде немца прогнать.

– Прогоним. Не вековать ему на нашей земле. Садись. Чай будешь?

Сосновский улыбнулся.

– Спасибо, товарищ подполковник. По третьему разу не смогу.

– Понятно. Как устроились?

– Нормально. Люди отдыхают.

– Это хорошо. Отдыхать всегда лучше, чем работать. Тогда вот смотри, – он развернул на чистом столе карту, – вживайся. Вот здесь, – комполка повел торцом карандаша по истертой, испещренной значками и знаками трехверстке, – вот здесь – линия обороны моего полка. Сосед слева – 176-й мотострелковый полк, справа...

– Извините, товарищ подполковник, – перебил его Сосновский, – может, лучше на местности посмотрим?

– Что, карту плохо читаешь? Ладно, пойдем. Только вот что, капитан. Перебивать старших по званию у нас не положено.

– Виноват, учту. Я ведь не строевой офицер.

– Однако и я – не кадровый. Строитель я. Потому и душа болит. За каждый битый врагом кирпич. – Он сунул карту в планшет, перекинул его на плечо, надел ушанку. – Ребята, подъем! В углу, занавешенном плащ-палаткой, шорох, зевок – возникли два бравых автоматчика.

– Пал-Петров, – фамильярно посоветовал один из них. – Каску бы надели.

– Ничего, сейчас тихо. Пошли.

Небо совсем засинело. Будто замерзло к ночи. На западе мерцали сполохами разноцветные ракеты. Но стрельбы не было.

– Затаился фриц, ждет, – проворчал комполка, поправляя ушанку. – Чует что-то, стервец.

О готовящемся наступлении никто не знал. Но знали все. Фронт – как большая коммунальная квартира. Всем известно, у кого в какой кастрюльке что закипает. Обстановка строжайшей секретности. Скрытное перемещение частей. Смена соседа по обороне. Чуть слышный

гул техники в тылу, на рокадах. Частые самолеты воздушной разведки. Пополнение частей, усиленное питание. И боепитание тоже. Солдат все видит, все слышит, а значит, и все знает.

Вышли к линии обороны, спустились в траншею. Один автоматчик шел впереди, отвечая на оклики часовых и наблюдателей, второй мягко топал валенками сзади, ворчал пожилым, прокуренным баском:

– Шлём не носит, а сам приказ издал: кого без шлёма увижу – табачного довольствия лишу. А то и фронтовых соточек. Людей бережёт, а сам не бережётся.

Тишина нарастала. Напряглась перетянутой струной – вот-вот лопнет со звоном и взорвется огнем и грохотом. Воздух был свеж – не утомлен гарью. Только местами потягивало запахом тяжкого окопного быта.

Дошли до пулеметной ячейки. Пулеметный расчет стоя подремывал, подняв воротники полушубков. Но начальство почувствовал разом.

– Ну-ка, братцы, пропустите отцов-командиров, – скомандовал комполка.

Сосновский втиснулся с ним в ячейку, принял бинокль.

– Смотри внимательно, капитан. Прямо – овражек заминирован с обеих сторон, там и воробью негде покакать. А со стороны противника еще и колючка, в четыре ряда, с сигналами. Это понятно?

– Но охранение какое-то там есть? – спросил Сосновский, не отрываясь от бинокля.

– Охранение есть. Но не сугубое. Наблюдение ведут небрежно, разведка проверяла. – Он тронул бинокль, чуть повернул его вправо. – Теперь смотри дальше. Саперы по ложбинке стежку проложили. Идет точно на ломаную ель. Видишь ее? Ни полшага в сторону. А дальше ложбинка вклинивается в рощицу. Она сквозная, просматривается со всех сторон. Естественно, там никаких дислокаций противника не имеется. Разведка это тоже проверила. И не раз. Кстати, твой, теперь твой, Кочетов туда ползал. Очень парнишка дотошный.

– Дальше?

– А дальше совсем хорошо. Рощица в лесной массив вливается. Глухой. Этим лесом вы без проблем до самого Михалева доберетесь. Все ясно, капитан? Вопросы есть?

– Что-нибудь отвлекающее намечено?

– Обижаешь. По левому флангу имитируем атаку двумя взводами. С артподготовкой. Обстрел, конечно, будет не «ах». Девять снарядов нам выделили. Бухгалтерия. Но мы еще свои мины покидаем. Это все, что могу.

– Спасибо.

– Ну, пошли, капитан. Отдохнуть тебе надо. Отдыхать лучше, чем работать. Особенно отдыхать перед работой. Сейчас у второго батальона мои ребята тебя до места проводят, так покороче будет. – Он забрал свой бинокль, привычно повесил на шею, приладил. Снял рукавицу, протянул руку. – Счастливо. Желаю, чтоб вы вернулись все.

– Мы постараемся, – просто пообещал Сосновский. – До встречи.

– Бриться будешь, командир? – спросил Дубиняк. – Я водички согрел. А то когда еще придется, – засветил трофейную карбидную лампу.

Сосновский расположился за столиком из ящичков, прислонил к кружке карманное зеркальце. За эти дни лицо его, слегка схваченное морозцем, приобрело красноватый оттенок. Задубело от лесных ночевок, от студеного ветра, неласкового снежка. Подвернул ворот гимнастерки, намылил щеки. Вспомнилось: «Поищем. У нас много чего есть».

Видать, уже нашли: зашуршала на входе плащ-палатка.

– Можно? – немного стесняясь, жмурясь на лампу, вошел штатский на вид старший лейтенант.

Пригляделся, безошибочно нашел глазами Сосновского, представился. Щелкнул кнопками новенькой планшетки, достал документы.

– Садись, старлей. Минутку. – Сосновский закончил бритье, захватил кружку с чистой водой, вышел, ополоснул лицо.

Дубиняк, вышедший следом, протянул ему полотенце, флакон одеколона.

– Добрый деколон, командир. Питьевой, – и назидательно добавил: – Советский офицер должен хорошо пахнуть – коньяком, «Казбеком» и крепким деколоном.

Сосновский вернулся к столику, спросил прибывшего, придвинув к себе его документы:

– С мороза – чаю двести или спиртику сто?

– И того, и другого. Только побольше, – усмехнулся старший лейтенант.

– К нам, значит, прибыли? В опергруппу по борьбе с фашистским бандитизмом? Славно. И кто вы такой? – Сосновский взял командирскую книжку. – Как по имени звать?

– Сима, – просто и застенчиво ответил старший лейтенант.

– Это как? – несколько опешил Сосновский. Служба в угрозыске, конечно, удивляла его порой всякими странными фамилиями и именами. Помнится, был такой фигурант – Передрищенко. Над этой фамилией сыщики посмеивались. Тем более что ее обладатель и на допросах вполне ее оправдывал. Но вот позже оказалось, что есть такая фамилия, на Украине милой, Гоголь ее упоминал. Но чтобы офицера, пусть и худенького, но все же мужика, звали женским именем... – Это как? – повторил Сосновский в растерянности. – Вроде женское имя.

– Не всегда, – чуть заметно улыбнулся старшой. – Серафим по паспорту.

– Что ж так чудно? Как же тебя угораздило?

– Батя окрестил. В честь преподобного отца Серафима. Батя у меня священник.

Вот еще новости!

– Интересно, Сима! Батя – поп, сынок – большевик. Да еще и разведчик.

– Так батя наградил. И хорошим именем, и профессией, – пояснил: – Деревушка, где мы жили, крохотная, на два неполных десятка дворов. Приход небольшой, храм нищий. А батя у меня запойный был...

Сосновский с сочувствием покачал головой.

– Не в этом смысле, капитан. Читал батя запойно. У нас в избе, кроме голодных детей, драной кошки и книг, никакого добра не было. Вот я и пристрастился. Тоже запойным стал. К тому же у бати много книг было на иностранных языках. Незаметно для себя стал и в них разбираться.

– И что? Много освоил?

– Не очень. Французский, английский, немецкий. Ну, а уж потом, в училище, полностью изучил. А еще после – испанский, – поднял на Сосновского ясный, но непроницаемый взгляд. – Разговорный.

– И там побывал? – не удержался капитан. – Переводчиком?

– Не совсем. Но это... – пощелкал пальцами. – Не для беседы.

– Я понял. Давай, Сима, кушай и будешь с ребятами знакомиться.

Сосновскому этот худенький Сима здорово глянулся. Он вызывал уважение, настоящее мужское уважение тем, что делал свое трудное и опасное дело и ничуть не кичился своим мужеством, не гордился своей судьбой.

Сосновский понимал всю сложность такой работы. Понимал потому, что сам в какой-то степени испытал ее. Несколько лет назад он внедрился в банду Кожуха. К счастью, это длилось недолго. Через неделю началась операция, и он, как говорится, вышел к своим. Но месяцы, а то и годы находиться среди врагов, дружить с ними, давя в сердце ненависть, каждую минуту контролировать свои действия, взгляд, мысли, даже сны... На такое способны очень редкие люди.

И Сосновский не удержался, спросил о том, о чем в их кругу спрашивать не принято:

– Не страшно тебе, Сима?

Серафим улыбнулся, понимая, что стоит за этим вопросом. И ответил опять же уклончиво:

– Дважды, капитан, я по-настоящему испугался. Первый раз в самом начале, когда не вдруг отозвался на свое новое имя. И в другой раз, когда почувствовал, что начал терять самого себя.

– Ну да, настолько вживаешься... Мне это немного знакомо.

Мгновенно мелькнувшее во взгляде Серафима недоумение сменилось пониманием и догадкой.

А Сосновский, глядя в его спокойные глаза, подумал, что из всех сил будет беречь этого милого Симу как самое ценное в отряде.

Знакомство с ребятами состоялось пока односторонним – они спали. Наверстывали хронический московский недосып.

– Вот этот богатырь, – Сосновский указал на крайнего слева бойца, спавшего в обнимку с автоматом, – Дубиняк. Старший уполномоченный МУРа. Главный в группе захвата. Медведь.

– Это хорошо, – серьезно кивнул Сима. – В нашем деле кроме ума и хватки еще и сила нужна.

– Елочкин, – продолжил Сосновский, теплым взглядом лаская хрупкого паренька, приткнувшегося к Медведю, как к родному папе. – Золотые руки, курсы радистов закончил. Осинин – водитель высшего класса, механик. От велосипеда до самолета. Кленин, Березкин, Липчук, муровские опера, надежные ребята.

Сима усмехнулся, как отец на озорных детишек, хотя и сам не многим был их старше, и сказал то, о чем Сосновскому в голову никогда не приходило и прийти не могло:

– Русский лес. Полный набор. Даже в лице командира.

Сосновский, когда шутка дошла, подхватил, да не очень удачно:

– Главное, чтобы нас на дрова не порубили.

– С такими мыслями, капитан, в тыл, да и вообще на любое задание идти нельзя. Нужно верить в себя и в своих товарищей. Осинкиных и Елочкиных. И Рябинкиных.

Простые вроде слова, но правильные. После них Сосновскому этот Сима еще старше показался. Да не годами, а его непростым опытом, нажитым постоянной тревогой. И как-то увереннее почувствовал себя командир спецгруппы, хваткий опер рядом с этим худеньким долговязым Симой.

– Поднять ребят? – спросил Сосновский. – Для знакомства.

– Не надо. По опыту знаю: можно про запас и поспать, и...

– И поесть! – Плащ-палатка на входе дернулась в сторону, в проеме появился еще один боец с двумя плотными вещмешками. – Товарищ капитан! Продовольствие доставлено. Повышенной калорийности.

– Это ефрейтор Кочетов, – пояснил Сосновский, – армейский разведчик. Приданная нам боевая единица. Большой специалист по части что-нибудь достать, взять... Харчишки, выпивку, «языка».

– И языки есть, товарищ капитан, – похвалился ефрейтор. – Говяжьи. Две банки. Повышенной категории.

Бойцы, как по команде, распахнули глаза, сели, будто и не спали вовсе. Иные даже оружие в руках уже держали.

Сосновский представил Симу, его украдкой, с профессиональным интересом осмотрели, но большее внимание все-таки досталось Кочетову.

– Его к нам из взвода разведки откомандировали, – пояснил Сосновский Симе.

– Я знаю, – тот опять улыбнулся своей неопределенной доброй улыбкой – будто он все время был в себе, а то, что снаружи, доносилось до него как бы через туман постоянной задумчивости.

«Все-то он знает», – с одобрением отметил Сосновский.

– За нарушения дисциплины нам спланировали? – спросил он Симу.

– За фамилию. Аналогичная история. У них во взводе – Курочкин, Орлов, Голубев, Гусятников, Уткин... Их курятником стали дразнить. А взводного за глаза – Индюком. Вот и решил комроты курятник расформировать.

– А Кочетова, – догадался Сосновский, – первым поперли, за язык. Есть у него такая слабость. Афоризмами шпарит. Да вы его сами о чем-нибудь спросите. Тогда поймете.

Старший лейтенант Сима не стал ждать удобного случая:

– Товарищ ефрейтор, где вы все это добро раздобыли?

– Где что плохо лежит, товарищ старший лейтенант, само собой в руки просится.

– А кто руки распускает, – напомнил Сима, – тому по рукам дают.

– Во! – обрадовался Кочетов. – Точно! Я же говорил: общение с умными людьми обогащает мозговую оболочку.

– Не забываетесь, ефрейтор, – одернул его Сосновский.

Едва вскрыли банки с языками, вошли старшина и два сержанта. Сложили на плащ-палатку немецкие автоматы, сумки с магазинами, на столик поставили рацию.

– Я со своим пойду, – упрямо заявил Дубиняк. – Я своего «папашу» ни на какого немецкого фатера не променяю.

Сосновский ему не возразил, хотя понимал, что во вражеском тылу вражеское оружие практичнее, хотя бы в отношении боеприпасов.

– А это для вас, – сказал старшина Сосновскому и Симе, протягивая вещмешки, – примерьте. Форма немецкая. И «парабеллум» для господина обер-лейтенанта.

Сосновский брезгливо накинул шинель с нашивками фельдфебеля, Сима привычно – офицерскую. Дубиняк, взглянув на него, даже присвистнул. А Кочетов сказал:

– У меня, товарищ старший лейтенант, прямо руки зачесались «языком» вас в штаб доставить.

– Хорошо – не расстрелять, – холодно улыбнулся неузнаваемый Сима. И что-то презрительно добавил на немецком языке. Тощий ариец, с надменным и одновременно пустым взглядом.

И в который раз порадовался Сосновский такому надежному, талантливому напарнику. Из тех, кому доверяешь больше, чем самому себе.

Разобрали оружие, проверили, подогнали ремни. Кочетов повозился в углу с противогазом, изрезал зачем-то маску на ленты. Сосновский сделал ему замечание. Сима внимательно изучил офицерскую книжку, которую вручил ему старшина. Старшина же забрал некоторые личные вещи: документы, письма, ордена. Наград мало было, у оперов они на Петровке, в сейфах хранились.

Явился вестовой от командира разведроты, доложил:

– Все готово, товарищ капитан.

Холодком от его слов в теплом, уже обжитом закутке потянуло.

– Двадцать минут на сборы! – скомандовал Сосновский.

Да какие там особые сборы. Маскхалаты подогнали еще накануне, лыжи с ляжками стояли снаружи у стены. Покурили на дорожку. Вещмешки – за спину, автоматы – на грудь. Попрыгали. Ничто не гремит, не брякает. Пошли.

Дубиняк на секунду вернулся, хозяйственно лампу на столе загасил. И больше никаких следов пребывания группы в старой конюшне не осталось.

Вытянулись в строчку, зашагали на позиции полка. Шли молча, тихо, только снег поскрипывал под валенками, да порой шелестели завязки маскхалатов по плечам.

Ночь безлунная была (месяц где-то прятался), но сильно звездная. Морозец холодил, подгонял немного. Подрагивали плечи бойцов, передергивались...

Встретил их в траншее командир разведроты. Рядом стоял телефонист – за спиной катушка с проводом, в руках аппарат. Здесь же бородатый сапер с большими ножницами.

Сосновский определил порядок следования: сапер, Кочетов, командир группы, остальные следом.

– Передай по строю, – шепнул он Дубиняку-Медведю. – Ползти след в след. Шаг влево, шаг вправо...

– Ясно, командир. Считается побегом, конвой открывает огонь без предупреждения.

– Смешки отставить.

По траншее прошелестел приказ.

– Готовы? – спросил комроты.

– Готовы.

Он взял у связиста аппарат, крутанул ручку, сказал негромко:

– Вызываю шестого. Давай, бог войны. Огонь!

Разом убили тишину три залпа батареи. Взвизгнули в ночи ушедшие в небо мины. Раздалось дружное «ура!». На поле перед траншеей замелькали едва заметные фигуры. А группа, перевалившись через бруствер, уже пахала снежную целину ложбины.

Сосновский полз за разведчиком. В свете ракетных вспышек дивился, как ловко, ужом, вертелся Кочетов. Он будто ползал лучше, чем ходил. Не отставать от него было трудно.

Ложбину миновали нормально. Притаились по остановке сапера. Тот ловко перекусывал колючку, закончил, отодвинулся в сторону.

– Удачи вам, ребята, – шепнул он. – Проволоки не касаться.

– Проволоки не касаться, – передал Сосновский.

– Там, метров через сто, уже в рост можно, перебежками, – подсказал сапер. – Не проматывается.

Благополучно миновали и проволочное заграждение. Бегом ворвались в рощу. Сзади затихла атака, будто бы захлебнулась.

В роще встали на лыжи, до этого их волокли за собой на лямках. Лыжи для разведчика – хороший след. Только очень знающий следопыт, таежник, сможет определить по лыжне, когда и сколько человек прошли и какой груз они имели за спиной.

Шли ходко, бросая взгляды по сторонам. Роща была пуста, разведка не ошиблась. Постепенно она становилась все уже, но гуще и наконец незаметно слилась с лесным массивом. Сосновский скомандовал остановку. Проверить, все ли ладно со снаряжением, сориентироваться.

– Кажись, прошли, – отдуваясь, сказал Дубиняк.

Он загрузился больше других. Помимо личной клади нес на широкой спине еще и рацию. Да пояс оттягивали запасные диски и две тяжелые противотанковые гранаты – кто знает, что может понадобиться в оперативном рейде по тылам противника.

Первое время группу вел разведчик Кочетов – он эту местность хорошо изучил, с осени еще брюхом не раз пропахал. Махом, одним броском пересекли шоссе со снежными переметами. Пошли лесом вдоль него, прислушиваясь к шуму машин.

Со светом углубились в лес. Здесь безопасно было. Немец без особой нужды, без приказа в лесную чащобу не полезет. Он уже хорошо знал, что такое «руссиш партизанен».

Выбрали со всех сторон закрытое местечко, расположились на краткий отдых. Развязали вещмешки. Кочетов, выбрав погуще куст, стряхнув с него снег, разложил под ним костерок.

– Не бойся, командир, – сказал он Сосновскому. – Дымок пока через ветки проберется, без следа растает. А горяченького – кому не хочется.

Горяченького всем хотелось. Выпили крутого чая, передохнули, перекурили. Пошли дальше, все так же придерживаясь шоссе. Снег здесь был глубок, рассыпчат. Трудно давался путь из-за валежника – тормозил лыжи, выворачивал. Кустарник цепко хватался ветвями за маскхалаты. Через два часа хода остановились.

– Долго идти будем, – сказал Сима.

– И то, – поддержал его Кочетов. – Лучше быстро ехать, чем долго идти.

Такой вариант был предусмотрен.

– Но лыжи не бросать, – решил Сосновский. – С собой возьмем.

– Смотря на чем поедem, – уточнил разведчик. – А глаже всего нам будет в какую-нибудь колонну впариться.

В этом резон был. Колонна идет своим ходом, ее не задерживают на постах, проверяют лишь головную машину. Но вот как в нее «впариться»?

– Машину подходящую я остановлю, – твердо обещал разведчик. – Ваше дело – ее взять.

– И как ты ее остановишь? – спросил Дубиняк. – «Машина, стой! – раз-два!»

– А у меня прибор есть, – Кочетов вытянул из кармана брюк... рогатку. Из другого кармана – горсть металлических штучек.

– Что это? – спросил Сосновский.

– Ежики. Партизаны со мной поделились. Они их по дорогам разбрасывают. Скаты ими пробиваются – просто так.

Сосновский взял «ежика», положил на ладонь сваренные между собой острые стальные треугольнички. Как бы ни упал такой «ежик» – одно острие всегда вверх торчит.

– А дальше что?

– А дальше, командир, – Кочетов хвастливо помахал рогаткой, – продолжайте движение. Со всем вниманием. Метров на триста вперед, – и пояснил: – Машина ведь после прокола враз не встанет, вот вы ее там и ловите. А я вот здесь залягу, место удобное.

И Кочетов исчез за придорожным сугробом, будто его и не было. Только проворчал, невидимый:

– А командир еще спохватится, что противогаз пожалел.

Сосновский повел группу дальше, вдоль шоссе, выбирая место для засады. Вскоре такое место нашли – лес здесь подобрался к самой обочине, а шоссе хорошо просматривалось в обе стороны.

Залегли. Стали ждать. Сима передал по цепи:

– Курить, как старший по званию, запрещаю.

А Сосновский подумал, что, наверное, оно так. Здесь у Симы армейская книжка лейтенанта, а у себя он, скорее всего, полковник.

Ждали долго. Но операм ожидание привычно. Зато и насмотрелись. И туда, и сюда непрерывно шла техника. Танки, бронетранспортеры, над бортами которых, как опята с пенька, торчали головы в касках. Крытые грузовики. Тягачи с орудиями. Легковые с охраной из мотоциклистов. Однажды на запад прошла колонна нашей техники – в основном танки. Некоторые шли своим ходом, некоторых, как упрямых быков, тянули на прицепе, видимо, к железной дороге. Металл в Германию тащат, не иначе. Хозяйственные, сволочи. Проводили колонну злыми взглядами.

Сосновский очень надеялся на ловкость и смекалку Кочетова. Дело, конечно, он затеял непростое. А с другой стороны – ну щелкнет перед машиной вроде как камешек – передний грузовик скатами его выбросил. Не граната ведь. Правда, расчет и точность нужны идеальные. Но Сосновский надеялся...

А машины все шли – видно, немцы тоже готовились.

Прошла еще одна колонна. В середине ее солдаты горланили песню. Сосновский уловил: Воль-га, Воль-га, мут-тер Воль-га...

Выругался, не сдержавшись: все им испоганить надо. Своих песен, что ли, не хватает...

Еще одну колонну разочарованно глазами проводили – шла на север, не в ту сторону.

А вот, похоже, и наша! Колонна была сформирована в основном из грузовиков. Шла тягуче, тяжело груженная. По значительным интервалам между машинами можно было заключить, что везли боеприпасы. Сосновский подал знак: «Внимание!»

Тупорылый, крытый брезентом грузовик зашлепал спущенным скатом, притормозил, прижался к обочине, стал. Следовавшие за ним машины, не останавливаясь, объезжали его.

Замыкал колонну небольшой открытый вездеход. Водитель, офицер в фуражке с шерстяными наушниками, два автоматчика в касках. Остановились сзади грузовика.

Тем временем его водитель уже выдернул из-под сиденья домкрат и прилаживал его под задний мост. Из кузова выпрыгнули солдаты. Четверо. Разминаясь, гоготали, закуривали, мочились. Никто из них водителю не помогал.

К нему подошел офицер, стал что-то громко и грубо выговаривать.

– Что он говорит? – одними губами спросил Сосновский Симу – они лежали рядом.

– Говорит: «Свинячий зад! Пять минут на замену колеса! Через три минуты – догнать колонну!» – тоже одними губами ответил Сима.

Офицер вернулся в вездеход, и тот пошел вдогон колонне. Позади него свинячьим хвостиком завивался дымок выхлопа. Шоссе опустело.

«Берем! – дал знаком команду Сосновский, когда водитель заменил колесо. – Того, что в кабине, берем „языком“. Остальных – ножами».

Знаками же выбрали: кто кого бьет и берет.

Вылетели из леса, откуда ни возьмись, белые фигуры. Мгновение. Медведь выбросил из кабины фельдфебеля, оглушил одним ударом, забросил его в кузов через задний борт. Трупы солдат, забрав их автоматы, швырнули за сугроб. Из-за которого возник запыхавшийся Кочетов. Попрыгали в кузов, задернули задний свес брезента.

Сосновский сел за руль, Сима – рядом. Быстро сбросили белые маскхалаты, оставшись в немецкой форме: Сосновский – фельдфебель, Сима – обер-лейтенант.

Сосновский вышел из машины, обошел ее кругом, постучав сапогом по скатам. У заднего борта остановился.

– Медведь, как фриц очухается, допроси.

– Понял, командир.

Дубиняк немного знал немецкий – его матушка преподавала в школе язык.

Сосновский вернулся в кабину, машина, зарывав, тронулась...

Отряд «Суровый»

Линию фронта перешли легко, на одном дыхании. Не звякнув, не брякнув. Не вызвав ни окрика, ни тревожного выстрела. Хорошо сказались и отбор, и подготовка бойцов.

Пройдя Семеновский массив кромкою, углубились затем в лес, где уже не могло быть противника. Остановились. Выставили охранение. Проверили снаряжение. Михайлов пожал руку сопроводившему разведчику. Тот козырнул всем сразу и тут же исчез.

– Можно закурить, – разрешил командир. – Что тебе, Савельев?

– Вопрос имею. Как пойдем? Цепочкой или вразброд?

– Тебе, старшина, других забот нет? – подошел Сафронов. – Учеба кончилась, работа началась.

– О том и говорю. Если след в след пойдем, такую для немца лыжню проложим, ровно танк пропахал.

– А если по-твоему, вразброд, – тут же возразил Сафрон, – немец нас подсчитает.

– Отставить разговоры! – прервал их командир. – Движение по факту.

– А наследим?

– Снег метеосводка до ночи обещала.

– Она наобещает... – непримиримо проворчал Савельев.

– Сключный ты мужик. – Сафрон докурил папиросу, глубоко втоптал окуроч в снег. – Не дай бог с тобой под одной шинелькой ночевать.

– Еще позавидуешь.

Командир и комиссар отошли в сторону. Михайлов смахнул с пенька снег, сел, положив на колено планшет.

– Смотри сюда, комиссар. Установочные данные я получил, маршрут следования нам указан. Однако предписано завернуть в село Слащево, это вот здесь, вблизи Уваровки.

– Что так? – удивился комиссар. – Это же отклонение.

– Отклонение, – он вытащил из планшета доставленный мотоциклистом пакет. – Приказано временно принять в свой состав спецгруппу, оказать ей необходимое содействие в выполнении оперативного задания.

– Что за группа? Зачем это нам?

– Приказ обсуждению не подлежит, – командир усмехнулся. – Только исполнению. Группа из сотрудников уголовного розыска, с особым секретным заданием – вот все, что мне известно.

– Муровцы, значит... – комиссар задумчиво соскочил с усов сосульки. – Тогда ясно. Будут «языков» брать. В больших чинах и в достаточном количестве. Это они умеют – выследить и выдернуть.

– Я такое решение принимаю. Следуем своим маршрутом, по основному заданию. В Слащево нужным временем отправим разведку – двух-трех бойцов. Для установления контакта. Пусть условятся о средствах связи и более конкретно о той помощи, что будет им надобна.

– Не проще ли связаться с ними по рации?

– Может, и проще, – коротко ответил командир, – но запрещено. Все, – Михайлов встал, – выдвигаемся.

И, словно по его команде, за линией фронта летней грозой загрохотали орудия.

– Артподготовка? – насторожился комиссар.

– Нет, это нам в помощь, отвлекают с этого участка. Чтобы противник не заинтересовался.

Снова обильно повалил снег. Потемнело. Шли друг за другом, похожие на почти невидимые белые призраки. И только хриплое дыхание выдавало их земную суть.

Федор Сафронов, повесив свой вещмешок на грудь, приладил на спину зачехленную рацию. Шел позади Анки, стараясь хоть взглядом помочь ей.

Но шли хорошо, благодарно вспоминая жестких инструкторов, изнурительные марш-броски, гимнастику до седьмого, да и куда больше, пота. Первый переход, по лесу и в двух местах полем, дался легко. Шуточки по пути не бросали, песенки не запевали, но и уныния от усталости не было. Молодость любит свои силы чувствовать. Главное – чтобы она их на правое дело нацеливала. Ну, у этих-то ребят цель была правильная и единая.

Снегопад ослабел, сумерки близились. Вышла навстречу разведка. Доложили:

– По шоссе идет обоз, десять подвод. Сопровождения и охраны нет. Сопровожения не окажут.

– Атакуем? – спросил комиссар. – Постепенно вводить ребят в боевую обстановку времени нет.

– Оно и нашей задаче не противоречит, – командир почесал переносицу.

– Я вас понял. Хотите ребят проверить?

– Обкатать. И уверенность им придать.

Командир расстегнул планшет, повел пальцем по карте:

– Дорога на Тропарево. Здесь она делает петлю. Сафронов, десять человек с тобой. Вот здесь срежешь, вот тут встретишь огнем. А мы им отступить не дадим. Команда всем – огонь на поражение, взять двух офицеров. К бою!

Словом, стратегия простая. И тактика тоже.

Федя Сафронов руководил подгруппой захвата. Грузный, но ловкий по-кошачьи, он в тренировочных схватках, в рукопашной, на ножах всегда был первым.

Быстро встали на лыжи, разобрались на две группы, разошлись в стороны. Исчезли. Только легко осыпался твердый снег с потревоженных ветвей.

Сафронов вывел своих бойцов к месту засады; залегли в молодом густом ельнике с двух сторон дороги. Напряженное ожидание длилось недолго. Сначала послышалось короткое ржание, затем донесся скрип саней по мерзлой дороге, прозвучал чужой говор.

Подпустили вплотную, ударили из автоматов; кувыряясь, полетели гранаты. Обоз смешался, раненая лошадь, упав, с визгом забила в оглоблях. Ездовые стали разворачиваться, солдаты попытались ответить огнем. Но поздно. Задние повозки, с трудом развернувшись на узкой, зажатой меж сугробов дороге, мешая друг другу, рванули назад, не вступая в бой. Вытанулись, погнали лошадей. И это поздно – вторая группа встретила кинжальными очередями. И все стихло.

Бойцы быстро загрузили двое саней. Остальных лошадей выпрягли, сани со всем, что там оставалось и что не понадобилось, подожгли, благо в санях щедро была навалена солома. Все получилось четко и слаженно – совсем как на тренировках.

Возбужденные, радостные, вернулись на место стоянки. Весело обменивались впечатлениями от первого боя.

Однако надо было срочно менять дислокацию. Очистили от снега подходящую воронку, уложили на ее дно лапник, на него – немецкие шинели, а на них добытое оружие и боеприпасы. Отдельно командир сложил в кожаную сумку часы, карманные и наручные, жетоны с мундиров, наградные кресты, документы и фотографии.

Лошадей застрелили, тут же разделали и сложили конину туда же, вновь укрыли лапником и брезентом с саней, засыпали снегом. Ветеран Савельев сделал на двух деревьях приметные затесы, командир отметил «закладку» на карте. Быстро допросили пленных.

Сафронов приволок пожилого фельдфебеля с усиками под Гитлера. Отвесил такую оплеуху, что тот упал на колени в снег, да так и остался, бормоча:

– Гитлер капут! – вздел руки в детских, с узорчиками варежках.

– Это мы и без тебя знаем. Куда обоз шел?

Ответил что-то по-немецки. Подошла Анка. Перевела вопрос. Говорит:

– Шли в Тропарево, сдать на склад имущество.

– Врет как немец, – сказал комиссар. – В Тропареве никаких складов нет. Ну-ка, Федор, тряхни его еще разок от всей русской души.

Федор поднес к сопливому носу фельдфебеля свой убедительный кулак и сказал Анке:

– Переведи слово в слово: «Если ты, морда фашистская, и дальше будешь врать, то я тебя повешу вот на этой сосне без штанов. Чтобы голодные вороны склевали все твое главное хозяйство... Ферштееш, гад?»

Анка, смутившись, перевела.

– Что так коротко? – подозрительно уточнил Федор.

– Он ворон не опасается. Он одного боится – шиссен.

Немец замотал головой:

– Нихт шиссен! Нихт. Их бин... думкопф.

– Это точно. Дурак, что к нам войной воперся. Сидел бы сейчас со своей фрау, пиво бы пил. А теперь висеть будешь.

Немец, похоже, понял. Перевернулся набок, стал на колени, застучал в грудь кулаками, захлебываясь, залопотал. Анка быстро переводила.

– Говорит, он добрый. Никого не обидел. У него дети...

– Добрый? – недобро усмехнулся Федор. – А ты спроси его, с чьих рук он варежки содрал? С живого пацана или?...

– Хватит! – вмешался командир. – Ничего он не знает. Офицеры больше скажут. А этого... – мотнул головой.

Немец обмочился.

– И как эта шваль до Москвы дошла? – изумился Бабкин.

– Если бы только шваль, – сказал комиссар. – Но у них и другие есть. Опытные бойцы, всю Европу положили. Так что не расслабляйся, Бабкин.

– Погреться бы, товарищ командир, – предложил Савельев. – Деревя здесь густо стоят, ни с одной стороны огня не углядеть.

– Давай, старшина. Отметим первый бой хорошим обедом.

Вскрыли пару трофейных ящиков и коробку.

– Шнапс! – обрадовался Сафрон. – И консервы с шоколадом. В честь первой победы, товарищ командир?

– Обязательно, – командир оглядел усевшихся возле костра бойцов. – С боевым крещением вас, комсомольцы, партийные и беспартийные.

– Таких у нас нет, – сказал комиссар. – Все мы в своей партии. Вы сегодня впервые схватились с врагом. И не так уж он очень страшен, правильно говорю?

– Очень правильно.

– А вы, товарищ комиссар, хорошо стреляете. На учении я в вас сомневался, – заметил Бабкин.

– Там мишени были, – отозвался комиссар. – А здесь враг. Там было можно мазать, а здесь, товарищи, каждая пуля должна в цель идти.

В кружки разлили немецкий шнапс. Чокнулись, стоя вокруг костра. Выпили. Савельев сплюнул:

– Пакость германская.

– Ну так ты мне из своей кружки отлей, – сказал Сафрон. – Я и не такое пивал.

Первая ночевка в зимнем лесу. Разметали снег, застелили ледяную землю лапником, уложили на него плащ-палатки. Улеглись, укрылись с головой.

Савельев позже всех лег. Сперва разложил костерок; как он прогорел – размел веткой угольки, и уж на прогретое густо настелил лапник.

– Анка! – позвал. – Иди до мене. Туточки дуже тепло и гарно.

Савельев после Финской на Украине дослуживал и немного тамошнюю речь перенял. И иногда, в добрую минуту, ею баловался.

Заботливо укутал Анку.

– Тепло ли тебе, девица? – спросил с ревнивой ноткой Сафрон. – Тепло ли тебе, красная?

– Ходи отцеда, добрый молодец, – пуганул его Савельев.

Командир, в шалашике, при неярком свете фонарика, делал в блокноте черновик рапорта. «Число. Год. В районе Тропарево нападение на обоз противника. Уничтожено 14 солдат, из них два офицера, унтер-офицер и фельдфебель. Получены путем допроса данные о перемещении частей. Захвачено 18 автоматов, пять ящиков патронов и десять ящиков гранат, продовольствие, документы и деньги. Потерь нет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.